

Андрей БАКЛАНОВ

ЛАБИРИНТЫ ЧЕСТИ АНТОЛОГИЯ

Андрей Бакланов

Лабиринты чести. Антология

«Автор»

2023

Бакланов А. В.

Лабиринты чести. Антология / А. В. Бакланов — «Автор», 2023

Вам предлагаются четыре повести о бывшем следователе Матвее Андреевиче Владимирове, которому в силу необыкновенных обстоятельств пришлось вернуться в профессию, но уже в роли детектива и истинного патриота своей родины. Верные друзья, отличные специалисты в своих профессиях, оказывают ему неоценимую помощь, которая приводит к раскрытию преступлений настоящего и прошлого. События переплетаются со средними веками, войнами и становлением современной России.

© Бакланов А. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Книга 1. Лабиринты чести	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	27
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Бакланов

Лабиринты чести. Антология

Книга 1. Лабиринты чести

Глава первая

Вот и наступил последний день уходящего года. Матвей проснулся в прекрасном настроении. Подарки на Новый год куплены. Жена Наталья уже что-то стряпает на кухне. Любимый сын Вова, как всегда, принимает вторую ванну за позднее утро. Матвей, допивая кофе и дымя сигаретой, вошел на сайт лотереи и купил несколько билетов с новогодним розыгрышем. Он уже неделю засыпает с мыслью, на что потратить эти баснословные деньги, полученные от выигрыша. В том, что этим везунчиком будет именно он, сомнений не возникало. Хотя так происходило каждый уходящий год десятилетия. На сегодня оставалось только одно дело организовать просмотр квартиры для продажи. В свои пятьдесят лет Матвей руководил своим агентством недвижимости, где последнее время он и был единственным работником. Время было около 11 часов утра и, договорившись о встрече на 14 часов с Анной Федоровной Головиной, собственницей трехкомнатной квартиры, и с семьей Семеновых, претендентов на покупку, он сверил часы.

День выдался солнечным и морозным. Выйдя из дома, Матвей завел свой Мерседес и, пока двигатель прогревался, успел поговорить с соседом Димой, который расчищал от снега въезд к своему коттеджу. Поздравив его в конце с наступающим Новым годом, он выехал из поселка, где живет, в город для показа квартиры. Времени у него было еще предостаточно, поэтому Матвей решил поздравить свою старшую дочь Вику и внучку Лизу. Благо они жили в том районе, где и была назначена встреча. Дочь не брала трубку, но это обстоятельство его не смущало, потому что так было часто. «Позвоню в домофон, пусть будет сюрприз», – подумал он. Было около двух часов пополудни, однако в домофоне раздавались одни гудки – никого. Немного расстроившись, что сюрприз не удался, Матвей поехал к месту своей последней в этом году встречи по просмотру недвижимости. Минут пять прождал Семеновых у подъезда дома. Наконец они, Ольга и Олег, подошли, и Матвей открыл дверь подъезда. Все поднялись на третий этаж. Матвей позвонил в нужную квартиру, но хозяйка не открывала. Он не удивился этому и сказал Семеновым, что собственница, скорее всего, музицирует. Матвей достал ключи, которые заблаговременно получил от Анны Федоровны для подобных случаев. Открыв дверь, все вошли в квартиру. Из дальней комнаты доносились звуки музыки, но они явно шли из телевизора, и Матвей громко позвал хозяйку. В квартире никто не отзывался, и все пришедшие пошли на звук музыки. Войдя в дальнюю комнату, они увидели лежавшую на полу лицом вниз женщину с окровавленной головой. Матвей услышал грохот за спиной. Это упала в обморок Ольга.

Скорая помощь приехала быстро. Ольга пришла в себя. Анну Федоровну повезли в больницу. И только через какое-то время Матвей увидел, что в квартире был беспорядок. Ранее он такого не видел. Просмотры этой квартиры были и раньше, но все всегда было в идеале, да и хозяйка в этом отношении была педантом. Прибывшие оперативники взяли объяснения с присутствующих и, закончив следственные действия, опечатали входную дверь квартиры, которую предварительно закрыл Матвей.

Матвей ехал домой и думал о случившемся. Он даже не мог предположить, кто это сделал. Анна Федоровна Головина – пожилая женщина. Она редко выходила из дома, но была

очень доверчива. В прошлом году цыгане обманули ее на рынке, а годом ранее с нее собрали деньги на установку новых газовых счетчиков. Однако компания, заключившая договор, пропала. Матвей пытался анализировать случившееся и вспоминал: «Так, дверь в квартиру открыл я. Ключ отворил замок без заминок. Значит, либо сама хозяйка открыла входную дверь, либо ее открыли родными ключами. Сын ее живет в Тамбове. Отношения у них, со слов Анны Федоровны, были сложными. За вырученные от продажи квартиры деньги она хотела купить домик на родине в Тамбовской области, а оставшиеся средства отдать именно ему, чтобы помириться на старости лет». Матвей не стал исключать и родственные интересы.

В каком состоянии после нападения находилась Анна Федоровна, он не знал. Скорая увозила ее без сознания. «Лишь бы поправилась», переживал Матвей, — она же видела напавшего на нее преступника. В конечном счете, полиция во всем разберется».

С этими мыслями он подъехал к своему загородному дому и не стал рассказывать о случившемся, дабы не расстраивать близких родственников под Новый год.

Праздник прошел помпезно, но для Матвея грустно. Его не покидали мысли об Анне Федоровне. Однако помочь ей чем-то он не мог и надеялся на врачей. Матвей решил на следующий день поехать в больницу.

1 января около 10 часов утра с калитки дома на улице прозвучал звонок. Наталья что-то буркнула на ухо Матвею и укуталась с головой под одеяло. Злой и не выспавшийся Матвей оделся и вышел на участок. «Кого могло принести в такую рань?» — подумал он и открыл дверь. На улице стояли четверо полицейских. Двое из них резко скрутили Матвею руки за спину и надели на него наручники. Матвея погрузили в легковую машину, где один из полицейских сильно ударил его в грудь.

Наталью разбудил телефонный звонок. Спросонок она долго искала зеленую кнопку на телефоне и наконец ответила. Ей звонил сосед Дмитрий и сообщил, что он был свидетелем того, как ее супруга грубо запихивали в машину полицейские. Наталья подумала, что это новогодний розыгрыш и попросила его дать трубку мужу, чтобы она высказала, что про него думает. Но трубку выхватила Ирина, жена Дмитрия. Она встревоженным голосом подтвердила слова своего мужа и договорилась с Натальей о встрече у калитки. Сын Вова видел десятый сон, и Наталья, укрыв его одеялом, оделась и вышла на улицу. Сосед рассказал ей об увиденном обстоятельстве, и у нее прошло новогоднее похмелье. Наталья взяла телефон и набрала мужу. На удивление, он почти сразу взял трубку:

— Что случилось? — спросила она.

— Меня задержали за покушение на убийство. Но это не главное. Кто-то очень хочет, чтобы полиция в это поверила. И еще... Сделали они это непрофессионально. Значит, я скоро буду дома. Срочно найди мою записную книжку и позвони Мирельману. Сам я это сделать уже не могу, — ответил Матвей.

Послышались короткие гудки, и Наталья заплакала. Спустя некоторое время все присутствующие увидели подъезжающий к ним полицейский «УАЗик». Из машины снова вышли четверо полицейских. Один из них, капитан, спросил: «Кто из присутствующих Наталья Владимировна?». Дождавшись ответа, он предъявил ей ордер на обыск.

Матвея завели в кабинет уголовного розыска. Перед ним сидел довольно молодой мужчина в звании старшего лейтенанта, который предложил ему присесть на стул, стоящий перед столом, за которым располагался оперативник. В противоположной стороне кабинета на небольшом диване сидел молодой человек лет двадцати пяти в гражданской одежде.

— За что Вы убили женщину? — без предисловий он обратился к Матвею.

Матвей ответил:

— И Вам здравствуйте!

– Вы зря ерничаете, – сказал офицер. – У меня очень мало времени. Давайте оформим явку с повинной и продолжим разговор спокойно. И вследствие этого Ваше сопротивление сотрудникам полиции забудется, – добавил он.

– Да, – сказал Матвей. – У Вас уже осталось 47 часов, чтобы предъявить мне обвинение. Да и никакого сопротивления я не оказывал, благо соседи видели момент моего грубого задержания. – Матвей знал, что по закону его могут задержать на 48 часов без предъявления обвинения.

– Умный? – Спросил полицейский.

– Да нет, просто невиновный. – Ответил Матвей.

Оперативник встал и зашел за спину Матвея. С соседнего стола он взял увесистый журнал «Желтые страницы» и, размахнувшись, сильно ударил им Матвея по спине. Матвей был довольно спортивным мужчиной и стойко перенес удар. Проработав в органах милиции двадцать с лишним лет, он прекрасно знал методы «дознания» оперуполномоченных и даже тогда их понимал. В этот момент открылась дверь кабинета, и в нее вошел офицер в звании полковника. Он приказал оперативнику отвести Матвея к нему в кабинет. Что и было сделано сразу. Как только полковник и Матвей остались одни, они обнялись. Полковник юстиции Павел Сомов и Матвей были закадычными друзьями. В конце девяностых они служили вместе, и Павел в начале своей карьеры был стажером у майора юстиции Владимирова Матвея Андреевича. В настоящее время Сомов Павел Николаевич занимал должность начальника следственного отдела местного ОВД.

В кабинет постучались, и вошел невысокого роста полноватый капитан. Он доложил Сомову, что все готово для проведения очной ставки. После чего вышел и закрыл дверь. Из короткой беседы Павла и Матвея выяснилось, что дежурный следователь Киселев, который только что заходил, на правах старшего опергруппы и ОВД в праздничные дни, возбудил уголовное дело и назначил ряд следственных действий по преступлению, в котором подозревают Матвея. Так как Киселев – лицо процессуально независимое, Павел пока не может повлиять на следствие. Он разрешил Матвею ответить на входящий звонок от жены Наташи (телефон при задержании почему-то не был изъят). После этого Павел сказал, что верит словам Матвея и обязательно приложит все усилия к поиску и задержанию настоящего преступника. А про профессионализм некоторых сотрудников полиции он поговорит отдельно с заинтересованными лицами.

Вначале был допрос. Матвея допрашивал тот полноватый капитан, представившийся следователем Киселевым Александром Валерьевичем. Матвей рассказал всю хронологию дня тридцать первого декабря, да и следователь на него особо не давил. На очных ставках между Матвеем и Семеновыми расхождений в показаниях не было. Матвея сопровождали в камеру временного содержания, где он наконец мог подумать о случившемся. Благо в камере кроме него никого не было. Об этом позаботился Павел. Матвей подобно Штирлицу перебирал все варианты, как выйти на свободу, а уже позже с холодной головой обдумать дальнейшие действия защиты и собственного расследования. Он рассчитывал на помощь Павла, который ему в этом заручился. Матвей знал, что Павел всегда был толковым следователем и в свое время раскрывал и более сложные дела.

Обыск в доме Владимирова закончился, и понятые подписывали протокол. Оперативники изъяли компьютер Матвея и его оружейный сейф. Шестнадцатилетнего Вовку сильно возмущали незаконные действия сотрудников полиции. Он пообещал каждому из них больших неприятностей. Для него отец был идиолом и из-за этого неприкосновенным. Для сотрудников полиции, привыкших ко всему, эти слова Владимира были как писк комара. Наташа несколько раз одергивала сына, но его это не останавливало. Перед началом обыска она успела спрятать бумаги мужа и позвонить лучшему адвокату области Мирельману Анатолию Исааковичу, вкратце обрисовав сложившуюся ситуацию.

Матвей, находясь в спокойной обстановке камеры, пытался все события последних дней разложить «по полочкам», но никак не мог понять причины его задержания. Он перебирал все версии случившегося, и ни одна из них ему не нравилась. «Если это грабеж, то почему квартира не перевернута вверх дном? – рассуждал он. – Может быть, искали что-то конкретное? Или же это было покушение на кражу, и преступник, либо преступники, не планировали встретить в квартире хозяйку и ударили ее каким-то тяжелым предметом по голове? Но почему удар был сзади? Не похоже, что хозяйка пыталась бежать по квартире в ее 76 лет. Да и орудия преступления на месте не было. Если это убийство, то почему не добились? Дилетант, либо слабо ударили. А быть может, и не хотели убивать? Но тогда Анна Федоровна видела лицо преступника. Да и не похоже на имитацию». Версии Матвея лезли как фарш из мясорубки. Покуриив спрятанную от сотрудников полиции сигарету, он пришел к мысли, что утро вечера мудренее и лег спать.

Наташа не находила себе места и позвонила сестре мужа, Лене, которая была большим чиновником. Всё в подробностях ей рассказав, Наташа очень рассчитывала на ее помощь. Вовка тоже не сидел без дела – он закрылся в своей комнате и штудировал Уголовно-процессуальный кодекс.

Вечером приехала мама Матвея, Лариса Александровна, с дежурными нравоучениями к снохе. В целом все было мирно, но тревожно. Все «ломали голову», из-за произошедшего. Но причины задержания Матвея так никому и не были известны.

Утром 2 января Матвея привели на допрос в кабинет следователя Киселева, где тот, скорее всего получивший уже наставления от Сомова, довольно мягко начал свой монолог. Он заявил, что следствие располагает основаниями для предъявления обвинения Матвею, но некоторые факты он хотел бы уточнить у него лично до проведения его допроса в качестве обвиняемого.

– Первое, – сказал он. – В какое точное время вы подошли или подъехали к подъезду дома потерпевшей?

– В 13 часов 55 минут я припарковал свой автомобиль на стоянке около дома Головиной Анны Федоровны и подошел к подъезду, – ответил Матвей.

– Откуда Вы ехали на встречу? – спросил следователь.

– Я выехал из поселка Мелково, где зарегистрирован по месту жительства, – сказал Матвей.

– Как Вы можете объяснить нахождение Вашего автомобиля около дома 167 по улице Зеленой в 13 часов 37 минут, что в 250 метрах от дома потерпевшей? Что Вы там делали?

Матвей понял, что это точное время следствие определило по установленным повсеместно камерам видеонаблюдения.

– Я приехал к дочери, которая там проживает, но ее не было дома, – ответил Матвей.

– То есть доказательств того, что Вы там делали, у Вас нет? – спросил Киселев.

– Доказывать должны Вы, а не я. Или следствие считает, что именно я за это мизерное время смог пробежать 250 метров, убить Головину Анну Федоровну, прибежать обратно к своему автомобилю и доехать до места встречи с покупателями ее квартиры? – раздраженно спросил Матвей.

– А с чего Вы взяли, что это было убийство? – неожиданно громко спросил Киселев. – Или что-то Вы, Матвей Андреевич, не договариваете? – прищурился, уже почти шепотом спросил следователь.

– Я видел пожилую седоволосую женщину, лежавшую на полу с разбитой головой. Такие повреждения может не выдержать даже молодой организм, – грустно сказал Матвей.

– Я учту этот факт, – спокойно сказал следователь. – Теперь второе: эксперты утверждают, что замок на входной двери квартиры потерпевшей на момент осмотра был без повреждений, а ключи от этого замка есть и у Вас. Вы передавали их кому-нибудь до происшествия?

– За три месяца нахождения у меня ключей я их никому не передавал, – уверенно заявил Матвей.

– А иеперь третье и самое важное, – продолжал Киселев. – Врач скорой помощи сообщил, что во время следования в больницу потерпевшая на секунды пришла в сознание и успела сказать: «Это ри». После вновь потеряла сознание. Она имела в виду слово «риелтор»!

– Это Вы, гражданин следователь, додумываете! А может быть, Ричард, Рихтер, Римский-Корсаков, – возмущенно произнес Матвей. – И Вы что, на этом факте собираетесь строить свое обвинение ко мне?! – возмутился он.

– Успокойтесь, – твердо произнес Киселев. – Мы пока просто беседуем.

В дверь кабинета постучали. Киселев разрешил войти. В кабинет вошел лоценый невысокий мужчина среднего возраста. Это был председатель коллегии адвокатов области Мирельман Анатолий Исаакович. Предъявив ордер на защиту Владимирова Матвея Андреевича, он поздоровался и крепко пожал руку Матвея. После чего, не спрашивая разрешения, плюхнулся в кресло, стоящее около окна. Пока Киселев читал предоставленный ордер, Анатолий Исаакович сделал заявление:

– Мой подзащитный Владимир Матвей Андреевич не виновен. Его задержание незаконно. Тот, кто принял это преступное решение о задержании и обыске, будет отвечать перед законом. Данное заявление об этом уже готово к отправке в прокуратуру.

Матвей знал стиль работы своего друга Анатолия Исааковича, с которым около десятка лет прослужил следователем в этом же ОВД, и обратил внимание на то, что следователь Киселев как будто был готов к такому повороту дел. Следователь вызвал сержанта, стоявшего за дверью, а сам вышел, пообещав вернуться через несколько минут. При этом разрешил пообщаться Матвею со своим адвокатом. Матвей не сомневался, что его статус с подозреваемого не перейдет в обвиняемого, так как у следствия нет прямых доказательств в отношении него. Да и Киселев слишком долго с ним беседовал ни о чем, так как, скорее всего, был предупрежден о приходе защитника в лице Мирельмана. «Наверно, к этому приложил руку Павел», – подумал Матвей.

Случилось то, что и должно было случиться при независимом квалифицированном правосудии. Матвея через час освободили, закрепив все подпиской о невыезде. Однако его телефон, компьютер и сейф остались в полиции в качестве вещественных доказательств. Матвей позвонил жене с телефона Анатолия Исааковича, и тот повез его домой. По дороге они долго беседовали. По приезду Анатолий Исаакович пожелал Матвею всех благ в наступившем году и уехал продолжать празднование Нового года.

Матвея встретили как героя. Мама обняла сына и заплакала. Вовка обнял их обоих одновременно, так как был уже выше отца и по спортивному телосложению ему уже не уступал. Наташа сидела в кресле с усталой улыбкой и от пережитого нервного потрясения даже не могла подняться. Сестра и ее муж Олег, приехавшие по первому зову, тоже принялись обнимать Матвея. Напряжение встречи ушло. Наташа хоть и устала, но уже приготовила праздничный стол, благо после встречи Нового года много чего осталось. После третьего бокала начались расспросы о случившемся. Матвей сказал, что все произошедшее с ним – это ошибка полиции и попросил данную тему больше не затрагивать. Все потихоньку успокоились, и остаток дня прошел даже весело. Вечером зашли в гости соседи, которые присоединились к праздничной трапезе.

Утром следующего дня Матвей принял прохладный душ и, закулив свежую сигару, подаренную мужем сестры, с чашкой кофе раздумывал о плане на сегодняшний день. Так он делал всегда, несмотря на день недели. Но сегодня это был не рабочий план, а план собственного расследования. И это не от обиды на органы правопорядка, а ради установления истины. Да и уголовное преследование в отношении него еще не было прекращено. Он открыл блокнот и стал писать:

«Справиться о здоровье Анны Федоровны. По возможности с ней поговорить. Поблагодарить Павла и уточнить о ходе расследования. Узнать у него о мотивах преступления, возможном оружии преступления, о похищенном имуществе, лицах, подозреваемых в этом, свидетелях и проведенных экспертизах. Узнать о последних звонках на телефон и с телефона Головиной. Выяснить, как преступники проникли в квартиру и чем закрыли замок на двери потерпевшей. Получить информацию с камер видеонаблюдения в районе преступления и непосредственно у дома, а лучше подъезда и балкона потерпевшей. Найти имена и адреса родственников и знакомых Анны Федоровны. Также узнать ее биографию и найти ее фотографии, даже давние».

Матвей предполагал, что Павел ему в этом не откажет, так как сам заинтересован в положительном результате расследования. А сам Матвей это будет делать аккуратно.

Матвей продолжал размышления: «Необходимо поднять все записи по показаниям квартиры Головиной за все время и попробовать установить личности тех, кто был на просмотрах. Узнать, кому все случившееся было выгодно». Благо по памяти Матвея таких было не много. Так как квартира была на эксклюзивной продаже только у него, работа с другими агентствами недвижимости отпадает.

Неожиданно раздался звонок на рабочий телефон Матвея. У него их было несколько, но тот, который изъяли, был основным. События опережали мысли Матвея. Позвонил Павел и предложил встретиться в известном только им обоим месте в восемь часов вечера.

Этим местом был бильярд в кафе военного городка, где они частенько встречались за бокалом вина.

Времени до встречи еще было много, и Матвей составил список людей, которые интересовались квартирой Головиной. Он был не велик, всего девять человек. Номера телефонов каждого у Матвея были. В настоящее время по каждому номеру телефона, засветившемуся в мировой интернет-сети, можно получить информацию. Однако данные в интернете имелись только о шести номерах. Матвей распечатал на принтере всю информацию по каждому номеру и приступил к ознакомлению. Сперва его интересовали категории недвижимость и финансы, имевшиеся в полученных данных тех людей, которые выдал интернет, а также их возможная деятельность. И действительно трое из шести за последние два года размещали объявления по продаже недвижимости, один продавал подержанные детские вещи и автомобиль Волга, а последний скупал и продавал монеты, значки и марки. Первые трое явно хотели улучшить свои жилищные условия, так как продавали квартиры меньшей площади. Эта информация уже была у Матвея в процессе общения с претендентами на покупку квартиры Головиной. Но у каждого из них были промежуточные звенья участников возможной сделки купли-продажи: банк с ипотекой, материнский капитал и отдел опеки. Матвей сделал по ним вывод, что цель мошенничества можно исключить.

Подходило время встречи. Матвей, откушав борща с пампушками, приготовленного супругой, с хорошим настроением отправился в путь. Всю дорогу он провел в рассуждениях о времени преступления. «Почему преступление было совершено именно под Новый год? Ведь, как правило, люди в это время готовятся к празднику и находятся дома и, возможно, не в одиночестве. Значит, преступник знал или предполагал, что хозяйка будет одна. Но кто этот кто? – думал Матвей. – Период совершения преступления примерно с 11 часов до 13 часов 55 минут. Конечное время должно быть наверняка точным, так как в это время из подъезда дома Головиной никто не выходил, либо преступник покинул место преступления другим путем. Скорее всего, этот период меньше, потому что в квартире потерпевшей преступник орудовал не долго. Значит, у него было мало времени. Хотя беспорядок могли и симитировать под грабеж. А может быть, похищено то, о чем знал преступник?». Рассуждения закончились, так как Матвей на такси уже подъехал к месту встречи с Павлом.

Войдя в бильярдный зал, Матвей увидел Павла, в одиночестве играющего за столом. Они поздоровались и удобно расположились в креслах за маленьким банкетным столиком. Произнося тост за Новый год, оба пригубили красного сухого вина, заблаговременно разлитого по бокалам. На столике были разные закуски, но они пока остались нетронутыми. Оба сразу закурили по сигарете и начали разговор. Первым вступил Павел:

– Докладываю Вам, что уголовное дело в отношении Вас я принял к своему производству.

Павел произнес это так, как будто докладывал своему начальнику. И, глядя на Матвея, чувствовал самоудовлетворение. Сразу же продолжил:

– Следователя Киселева я от дела отстранил, объявив ему строгий выговор. Тебя, Матвей, я переквалифицировал в свидетеля и от лица внутренних дел приношу извинения! Вступительную торжественную часть заканчиваю и предлагаю выпить по второй.

Павел, не дожидаясь ответа Матвея, чокнулся своим бокалом о бокал товарища и выпил до дна. После чего с чувством исполненного долга удобно расположился в кресле.

– Да... – многозначительно произнес Матвей. – Настоящий герой нашего времени. Ты бы первым делом сказал, что со здоровьем потерпевшей?

Павел обиделся, но ответил:

– Ей сделали операцию, и она в тяжелом состоянии находится в реанимации городской больницы.

– А охрану ей поставили? – быстро и коротко спросил Матвей.

– Зачем? – с удивлением спросил Павел. – Она же в ре-а-ни-ма-ци-и, – по слогам произнес Павел.

– Ты ознакомлен с материалами дела? – спросил Матвей. И, не дожидаясь ответа, продолжил. – А если она видела преступника или знала его? Тогда что? Узнав о том, что она жива, что он может сделать?

– Хватит мне рассказывать детективы, – обиженно и громко ответил Павел. – У нас же не Чикаго какой-то! Кому нужна эта божья пушинка?! – Он взял паузу и налил вина только в свой бокал. Затем махнул головой и, осушив его, нервно поставил на столик. – Да и, в конце концов, – продолжил он. – это именно я веду следствие!

– Нет, дорогой мой друг, – ответил Матвей. – Это мы ведем расследование. А значит, и следствие по делу. А вот именно ты будешь сдавать его в прокуратуру и суд после того, как напишешь обвинительное заключение в отношении установленного преступника или преступников. Это уже дело моей чести как твоего лучшего друга, если, конечно, я им являюсь! – эмоционально закончил Матвей.

В помещении повисла тишина. Даже частички пыли зависли над бильярдными столами, подсвеченными абажурами ламп.

Павел выдохнул и громко сказал:

– Я с тобой, командир!

Друзья выпили две бутылки вина и, размышляя об обстоятельствах дела, отыграли три партии бильярда, в которых, как всегда, верх взял Матвей. Договорившись о тесном сотрудничестве в данном деле, простились и отправились по домам.

Матвей вышел из такси около дома. Пока с похмелья путался в ключах от калитки, услышал какой-то звук за спиной. Он знал, что такой звук исходит от затвора пистолета. Матвей резко упал на землю, и прозвучал выстрел. Услышав визг колес, он приподнял голову. Рванувшая с места из темноты машина через мгновение скрылась за поворотом деревни.

Мгновенно придя в себя, он отрыл калитку и вбежал в дом. В дверях стояла перепуганная жена, держа в руках столовый нож.

– Все нормально, – сказал Матвей, обращаясь больше не к супруге, а к себе. – Все нормально, – обняв перепуганную жену, повторил он.

Уже утром Матвей увез семью на базу отдыха, расположенную на берегу прекрасного карельского озера в трехстах километрах от дома. За этот отдых и трансфер на такси он выложил приличную сумму. Но оставлять в опасности семью он не мог. Мама Матвея возглавила операцию спасения, не зная о случившемся происшествии вечером предыдущего дня. Она посчитала это запланированным новогодним сюрпризом от сына и только очень причитала о коротком времени на сборы. Вечером того же дня и на том же такси Матвей вернулся домой.

С дочерью Викторией и внучкой Лизой было проще. Когда они узнали, что подарком для их молодой семьи стали Рождественские каникулы в прекрасном отеле в Египте, этим же вечером они были в аэропорту.

Дома у Матвея находился Павел. Он рассказал о проведенных оперативно-следственных действиях по факту стрельбы около коттеджа Матвея. Да, именно факту стрельбы, а не угрозы убийством. Гильза от пули, найденная на месте события, была от травматического оружия, и резиновая пуля он нее никак не представляла большой опасности для Матвея. Оба следователя, Павел и Матвей, предположили, что кто-то очень хочет, чтобы Матвей испугался. Значит, они прекрасно знают, кто им противостоит в лице риелтора Матвея. Но никто не мог предполагать, от кого преступник знает, что Матвей – бывший сотрудник милиции.

Расположившись у камина, друзья анализировали вновь возникшее обстоятельство. Версии об утечке информации из полицейских структур разбивались. Матвей почти всем участникам процессов купли-продажи недвижимости представлялся бывшим сотрудником внутренних дел, дабы внушить уверенность и спокойствие. Это всегда срабатывало на фоне частых обманов черных риелторов. В итоге друзья сошлись во мнении, что случившаяся стрельба даже является плюсом в их расследовании. Первое: преступник или преступники стали нервничать. Все знают, что это может привести к роковой ошибке. Второе: у следствия есть гильза, и экспертам не составит большого труда установить, из какого оружия она была выпущена. А в настоящее время очень строгая система отчетности в отношении любого огнестрельного оружия. Третье: определится и магазин, где приобретался патрон. В дальнейшем и покупатель. Четвертое: уже утром будут известны марка, государственный номер и модель автомобиля, скрывшегося с места стрельбы. Соответственно, его владелец тоже будет известен. Однако два опытных следователя не верили в такую простоту раскрытия преступления. Ведь эпизод со стрельбой мог быть вообще не связан с их делом.

Павел пообещал Матвею оперативно информировать его о любой информации по делу, попрощался и уехал.

Матвей уснул почти сразу. Сказывалась усталость от событий уходящего дня. Перед сном он поговорил по телефону с женой, и разговор принес ему ощущение умиротворенности и спокойствия.

Рано утром, около семи часов, Матвея разбудил телефонный звонок. В трубке он услышал голос Павла.

– Ты только не волнуйся, все нормально, – начал Павел.

– Прекрати свои тошнотные прелюдии. Говори, что случилось, – почти прокричал Матвей. Явно, что ему сорвали прекрасное сновидение.

– Короче. На жизнь Головиной Анны Федоровны вновь покушались. Со слов сержанта, находившегося около палаты нашей потерпевшей, в шесть часов утра к ней вошла медсестра. А после ее ухода из палаты донеслись звуки сигнализации. Сержант заглянул в палату, но ничего не понял. Тут прибежал медперсонал. Оказалось, что кто-то отключил аппарат искусственного дыхания у потерпевшей. В итоге она впала в кому. Медсестру, заходившую к пострадавшей, никто опознать не смог. Сейчас проверяем камеры видеонаблюдения, куда она делась и откуда пришла, – закончил Павел.

– Вот Вам, батенька, и Юрьев день. Доигрались в сыщиков, – произнес Матвей. – В лице преступника мы получили сильного оппонента. Он очень хочет убить Головину. И тридцать

первого декабря было именно покушение на убийство, а розыгрыш со мной был просто отвлекающим маневром. И вообще, если это его рук дело, – закончил он.

– Не его, а их, – вставил Павел. – В автомобиле, участвующем в стрельбе, было два человека. Как установили гаишники, автомобиль был похищен за шесть часов до стрельбы в соседнем районе. Лица преступников на видеозаписи смазаны, и установить их не представляется возможным. Ждем заключение экспертов по гильзе. Может быть, хоть здесь будет ясность, – добавил Павел.

– Не жди манны небесной, – грустно сказал Матвей. – Боюсь, эксперты тебе принесут дырку от бублика. Преступники нас опережают на три хода вперед, как говорят в шахматах. Что говорят оперативники? Что установили о событии преступления? Кем является Головина Анна Федоровна? Где родственники потерпевшей? Где свидетели, черт возьми? Чем вы там вообще занимаетесь? – уже криком спросил Матвей.

– Да. Не знал бы тебя, я бы подумал, что меня отчитывает генерал. Хотя и таких боевых генералов сейчас по пальцам пересчитать, – спокойно произнес Павел.

– Не заговаривай мне зубы, полковник, – не успокаиваясь, продолжал Матвей. – Через два часа встречаемся на квартире потерпевшей. Будем проводить повторный осмотр места происшествия.

– А может, ты даже и прав. Встречаемся в десять часов. Добро, – ответил Павел.

В указанное время друзья встретились на квартире потерпевшей. По этажам подъезда опять забегали оперативники, дабы установить свидетелей. Успокаивало Матвея только то, что преступники не возвращались на место своего преступления. Но это успокоение было недолгим... Из показаний соседа по лестничной клетке следовало, что в четыре часа утра он выходил выгулять собаку и, спускаясь по лестнице, увидел молодого мужчину, ковыряющегося в замочной скважине опечатанной двери квартиры потерпевшей. Завидев его, мужчина, дал деру. Собрать его приметы было поручено оперуполномоченному уголовного розыска. Матвей решил присоединиться к этому действию. С разрешения Павла он прослушал описание преступника. Матвей в уме прокручивал лица мужчин, которые просматривали с ним квартиру Головиной. Согласившись, что по таким описаниям он не может точно предположить внешность преступника, продолжил участвовать в осмотре квартиры. Так как ее площадь была внушительная, осмотр затянулся на четыре часа. Пока эксперты занимались своими профессиональными обязанностями, Матвей рассматривал фотоальбом, уже побывавший в руках криминалистов. Он даже посчитал его раритетом, так как фотографии в нем относили Матвея к началу двадцатого века, да и фотоальбом был довольно объемным и тяжелым. Эксперты как эскулапы обмазывали специальным порошком всю квартиру по сантиметрам в поисках оставленных отпечатков пальцев. Нашли шкатулку с ювелирными украшениями и обмазали каждую вещь, находившуюся внутри. Изъяли разорванные старинные мягкие игрушки, разбросанные по квартире. Добрались и до люстр, грациозно висящих на потолках. И вот удача. В светильнике одной из люстр зала криминалисты обнаружили вместо лампочки боевой орден Красного Знамени!

«Что это, цель преступников? И для этого нужно было им идти на убийство? Бред. Хотя сегодня и за меньшее убивают», – размышлял Матвей вслух.

«Да и цель вряд ли оправдывает средства, – уже про себя подумал он. – Однако возможно, это уже первая зацепка».

Осмотр закончили. Найденный орден приобщили к материалам уголовного дела. Матвей попросил Павла взять с собой фотоальбом, чтобы на досуге дома поковыряться в истории рода Анны Федоровны. Павел не возражал, да это, пожалуй, было бесполезно, так как Матвей мог изучать этот фотоальбом и в кабинете Павла, чего последнему только и не хватало.

Время было обеденное, и Матвей предложил Павлу перекусить. Они приехали в уютное кафе «У Саныча», которое располагалось около Ленинского шоссе, но было окружено

множеством сосен и туй. Тишина и уют царили в отдельном кабинете, отведенном важным гостям. Сам хозяин кафе, Александр Александрович, обслуживал дорогих гостей. Вернее, дорогого Павла. Матвей в эту категорию не попадал. Гости хорошо отобедали и приступили к размышлениям. Говорил в основном Павел. Он выдвигал версию кражи, сопряженной с убийством. Постоянно ходил по кабинету и, размахивая руками, предлагал версии задержания преступников, когда те вернутся в квартиру за орденом. Матвей думал, что отчасти Павел был прав. Такая версия была вполне возможна. Но о ней Матвей подумал гораздо раньше. Слушая Павла, он не перебивал его, а лишь представлял, как того награждают за прекрасно проведенную операцию по поимке особо опасных преступников. И вдруг остановил его и предположил, что преступники, отчаявшись, залягут на дно, посчитав, что их цель найдена оперативниками. И тогда – все. Ниточки обрываются.

– А что же тогда делать? – как-то по-детски спросил Павел.

– Спускайся на землю, ангел ты наш рукокрылый, – с сарказмом произнес Матвей. И уже с улыбкой на лице продолжил. – Мне надо подумать, дружище.

На чем и расстались.

Весь остаток дня Матвей провел за изучением фотоальбома и компьютером сына. Оказалось, что отцом Анны Федоровны был не кто иной, как генерал армии Федор Михайлович Головин, репрессированный и расстрелянный в апреле 1947 года. «Узнать бы, его ли это орден?» – думал Матвей. Фотографии с Федором Михайловичем заканчивались августом 1945 года. Почти на каждом фото в альбоме на обратной стороне были карандашом, а где и пером написаны даты съемки. В то время это было нормой. Из доступной информации «Википедии» Матвей прочитал, что родился Федор Михайлович в 1898 году в Тамбовской губернии, в семье потомственных военных. Отец его был подполковником, войсковым старшиной. Возглавлял он казачество на юге России. Мать была домохозяйкой и воспитывала четырех сыновей и трех дочерей. Федор Михайлович родился последним, и все внимание было обращено к нему. Родители его лелеяли, а вот от братьев и сестер ему за это доставалось. В 1908 году Федор Михайлович был зачислен во Второй Кадетский Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича корпус. Окончив позже военное училище, он в звании хорунжего встретил Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию и вступил в ряды революционеров. Его семья в конце 1918 года покинула Россию и уехала во Францию. Еще в начале 1917 года отношения с отцом испортились, и они перестали общаться. Два старших брата погибли на полях Первой Мировой Войны, а средний брат Максим уехал с отцом.

Матвей продолжил изучение биографии и узнал, что в марте 1919 года Федор Михайлович был награжден орденом Красного Знамени и грамотой к нему. Орден числился под номером 5.

Мелкая дрожь пробежала по спине Матвея. Предчувствие успеха стучало учащенным сердцебиением. Он схватил телефон и набрал номер Павла.

На входящий звонок Павел ответил сразу.

– Что случилось? – нервно спросил Павел.

Без предисловий и приветствий Матвей начал разговор:

– Ты рассматривал орден? – и, не дожидаясь ответа, проложил. – Позвони экспертам и пусть они посмотрят, что на обратной стороне награды.

– Ты опять что-то раскопал? – уже спокойно спросил Павел. – Эксперты, как и нормальные люди, уже готовятся ко сну. Да в чем собственно дело?

– Не хочу бежать в конце паровоза, – буркнул Матвей и продолжил. – Мы в этом деле плетемся как старые клячи. Вот почему преступники везде нас опережают.

– Не скажи, – перебил Павел. – А орден-то мы нашли.

– Ни хрена бы мы ничего не нашли, если бы не провели дополнительный осмотр квартиры. Нам еще очень повезло, что преступник испугался собаки. Да, именно собаки. Он мог

убить соседа, вышедшего на лестничную клетку, затащить тело в квартиру и спокойно искать то, что ему нужно. А собака – это шум и лай. Сразу бы проснулись и другие жильцы. А это в планы преступника не входило. А то, что они будут действовать жестко или даже жестоко, мы с тобой убедились. Так ты рассматривал орден? – спросил Матвей.

– Увы, нет, – как-то обреченно ответил Павел.

– Мы с тобой двое старых никчемных пенсионеров. Один в погонах полковника, другой – горе-сыщик с престарелыми амбициями. Нужно было на месте тщательно самим произвести осмотр ордена. А мы это доверили другим. Радость от найденного ордена помутила наши рассудки. И лавры от успеха мы уже примеряли на свои седые головы, – эмоционально закончил Матвей.

– Я же лысый, – возразил Павел.

– Ну да. И очень тщеславный, – уже спокойно буркнул Матвей. – Звони экспертам!

– Слушаюсь и повинуюсь, – с долей сарказма ответил Павел.

Павел перезвонил через час и довольным голосом начал:

– Эксперты не получали постановление о назначении экспертизы по данному ордену. Да и ее проведение в условиях нашего ОВД невозможно. Однако младший следователь Хрипкова очень подробно осмотрела орден и в протоколе осмотра места происшествия запасала, цитирую: «Объектом осмотра является металлический знак, похожий на орден. В центре ордена помещён круглый знак, покрытый белой эмалью, на котором изображены золотые или позолоченные серп и молот, обрамлённые золотым или позолоченным лавровым венком. Под круглым знаком помещены три луча перевёрнутой красной звезды, под которой перекрещиваются молот, плуг, штык и красное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Снаружи орден обвит золотым или позолоченным лавровым венком, на котором помещена красная лента с надписью СССР. Знак или орден Красного Знамени сделан из металла, похожего на серебро. Высота знака – 40 мм, ширина – 36,3 мм. На обратной стороне имеется выбитая цифра 5».

Матвей прервал пересказ Павла:

– Срочно включи Хрипкову в состав группы по расследованию этих преступлений и повысь ее в должности до следователя. Объедини в одно все дела, связанные с первым.

– Я так и не понял, ты получил ответ на вопрос, который нас сделал старыми клячами? – спросил Павел.

– Да, мой друг. Спасибо твоим подчиненным. Испытываю гордость за наше молодое поколение. Оказывается, еще не все потеряно. Вот тебе пример специалиста, знающего свое дело! – торжественно произнес Матвей.

Лежа на диване, Матвей стал перелистывать альбом в поисках фотографий генерала с орденами и медалями. Перед его глазами пролетали лица из прошлого. Красивые, молодые и старые. Веселые и печальные, суровые и нежные.

«А ведь у моих предков похожая история», – подумал он и уснул, даже не раздевшись.

Матвей проснулся рано утром от чувства голода. Хорошо покушать он любил, но в последнее время не чувствовал большого аппетита. Он вспомнил, что скоро Рождество, на празднование которого обещал родным приехать. Однако ехать в тьмутаракань у Матвея не было никакого желания. Так как дело принимало повышенные обороты, ему хотелось обогнать время и найти злодеев преступников. Пройдя на кухню и заглянув в раковину, Матвей понял, что чистой посуды, из которой он будет кушать, просто нет. С того момента, как он впопыхах уехал после той стрельбы, посуда не помылась сама собой и мирно отдыхала в раковине, издавая при этом неприятный запах. Тут он вспомнил хорошее русское наблюдение: «Женщина моет посуду после еды, а мужчина до еды». Матвей дисциплинированно вымыл сковороду, тарелку и свою чашку. Сделав яичницу с жареной колбасой и кофе, откушал. Затем, удовле-

творенный собой, закурил, просматривая все свои записи за четыре тревожных дня. Он всегда вел дневник. И эти дни ничем не отличались от предыдущих. Затем взял телефон, чтобы позвонить Павлу. На экране телефона он увидел непрочитанное сообщение от Павла, которое пришло сегодня в семь часов тридцать минут: «Жду на нашем месте в 15 часов». Матвей обратил свой взгляд на календарь, криво висящий на стене в кухне. Этот солнечный день выпал на воскресенье, 5 января. Времени до встречи было предостаточно, и он решил заняться делами по хозяйству. Загрузив в посудомоечную машину всю грязную посуду, Матвей накрыл покрывалом диван и поправил календарь. На этом домашние дела закончились, и Матвей с чувством выполненного долга продолжил изучение фотоальбома. Перед ним опять стали пролетать события прошлого века. На одной из страниц он остановился и стал вглядываться в фотографию. На ней в камерной обстановке был запечатлен Федор Михайлович в парадном мундире, справа от него на стуле сидела молодая красивая женщина в роскошном белом платье, слева – держа руку отца, стояла маленькая девочка в коротком платьице. «А вот и семейство Головиных», – подумал Матвей. Черты лица ребенка напоминали ему Анну Федоровну, и Матвей с грустью вспомнил о ее настоящем положении. «Но где же сейчас находятся ее родственники? Ведь они были уведомлены о происшедшем?» Матвей взял лупу и склонился над изображением генерала. От его очей не ускользали никакие мелочи. Неожиданно он заметил очень странный орден на груди генерала. В середине ордена был барельеф Ленина с каким-то трактором внизу, но сам орден не был похож на орден Ленина. Матвей перевернул фотографию. Там было написано: «Ялта. Февраль 1945 года». Матвей встрепенулся и подумал: «Неужто это действие было запечатлено в то время, когда проходила Ялтинская конференция лидеров антигитлеровской коалиции? Крутой генерал! Но почему уже через два года его расстреляли?».

Матвей ринулся к компьютеру сына. Открыв описание ордена Ленина и список награжденных им, он увидел фамилию Головина Федора Михайловича, награжденного 27 июля 1931 года. В этом списке Федор Михайлович был под номером 8. Оказалось, что это была первая версия ордена. После 1932 года орден Ленина уже выглядел по-другому. Матвея прошиб ледяной пот, и он прокричал: «Это как же было возможно, расстрелять такого человека, который всю свою жизнь отдал на служение Родине, который не покинул страну в ее тяжелое время, а совершал подвиги, за которые одним из первых был представлен к высшим наградам? Да еще к тому же и не был реабилитирован». Матвей хоть и не был человеком особо сентиментальным, но разрыдался, как ребенок.

Чтобы прийти в себя, Матвей оделся и вышел из дома прогуляться по участку и заодно почистить снег. Открыв калитку, он сразу заприметил в метрах тридцати легковой автомобиль с работающим двигателем. Люди, сидевшие в машине, также увидели Матвея и, отвернувшись от него, начали смеяться. «А вот и моя охрана, – подумал Матвей. – Перестраховщик ты, Павел, перестраховщик!»

Матвей закончил уборку территории от снега, который вновь повалил на его непокрытую голову.

Собравшись на встречу, Матвей вызвал такси и прихватил с собой фотоальбом семейства Головиных, положив его в свой вместительный портфель.

На этот раз Павла в бильярдной не оказалось, но стол был забронирован, и на банкетном столике уже были приготовлены яства и хорошее красное «Бордо». Павел любил шиковать, не осознавая, что иногда это бывало с перебором. Матвей налил из бутылки в бокал вина и начал рассматривать картинки, развешенные по всему помещению бильярдной. Картинки были на многочисленные тематики. Человек, который их повесил, явно не имел никакого представления о живописи, хотя в остальном все Матвея устраивало. Вежливый персонал, чистые ухоженные бильярдные столы. Чистота в зале и, что главное, разрешение на курение. В последнее время с этой борьбой против курения наше государство уже захлебывалось от запретов.

Порой доходит до маразма это рвение сделать страну некурящей. Так где же все это было в семидесятых, восьмидесятых годах, когда все это не запрещалось так рьяно. И что делать тому поколению, которое уже не может завязать с привычкой, ставшей слабо-наркотическим заболеванием? Он не оправдывал курение, но жалел слабохарактерность курильщиков. Таким же слабохарактерным считал он и себя – бросить эту пагубную привычку не мог, да и не хотел.

Матвей знал, что Павел именно задерживается, а не опаздывает, ведь занимаемая им должность не имела выходных дней. Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, Матвей пригубил из бокала прекрасный нектар изумительного вина.

Из-за закрытых дверей послышался голос Павла. Он громко распекал кого-то по телефону. Дверь открылась, и Павел просто «влетел» в бильярдную.

– Извини, дружище, дела, – быстро сказал Павел, уже снимая с себя дубленку и закидывая на вешалку свою норковую шапку. – Можно сказать, делища! – продолжил он.

Затем подошел к сервированному столику, налил им обоим вина и с тостом «Будем» осушил бокал.

– Прекрасный букет, – указывая на бутылку, с выдохом сказал Павел. – Наши виноделы так делать не умеют! – уже относительно спокойно закончил он.

– Что у тебя? Не тяни ты резину. Докладывай, – спросил Матвей.

– Так. По женщине, переодетой медсестрой. Просмотренные нашими спецами кадры видеонаблюдения в больнице привели к следующим выводам. Женщина зашла в больницу через отделение приемного покоя, сильно прихрамывая. Охранник решил, что она больна и идет на прием. Пропустил ее, к ней даже не обращаясь. Лицо женщины было заматано пуховым платком, и охранник посчитал, что и там у нее повреждения. Далее она прошла все приемное отделение, поднялась на второй этаж, где за выступающим углом скинула с себя серое драповое пальто с воротником похожим на каракуль, и уже в медицинской маске и белом халате направилась в отделение реанимации. В реанимации видеокамеры не работали. Через семь минут она тем же путем вернулась к оставленным вещам, оделась и тем же маршрутом вышла из больницы. Установленные на периметре улицы видеокамеры запечатлели ее, садящуюся в такси. Водитель такси, киргиз, внятных показаний не дал, но сообщил, что высадил пассажирку около молокозавода. Далее след женщины теряется, так как в том месте нет камер. Отпечатки пальцев, оставленные на медицинском оборудовании в палате потерпевшей, принадлежат медработникам.

– Подожди, подожди, – остановил Павла Матвей. – Тогда откуда она приехала, во сколько, на чем?

– Банально, но на городском рейсовом автобусе № 4. Откуда – не понятно. Наверно, оттуда, куда и вернулась, – ответил Павел.

– Водителя автобуса допросили? – быстро спросил Матвей.

– Конечно. Он сказал, что никого не помнит, так как это был час пик. Многие ехали на работу, с работы, как на железнодорожную станцию, автостанцию, так и в ЦРБ.

– А видеонаблюдение есть в автобусе? – не унимался Матвей.

– Нет, дружище. Хотя была бы моя воля, я бы во всех квартирах города установил бы видеонаблюдение. Гляди, и раскрываемость бытовых преступлений повысилась бы, – с глубоким разочарованием ответил Павел.

– Нет. Этих преступлений было бы гораздо больше, – ответил Матвей.

Наступила пауза, и Павел разлил по бокалам уже теплое вино. Друзья выпили и закурили. Хорошо работающая вытяжка ненадолго задержала пелену табачного тумана между друзьями.

– Наша преступница – ой как не чета многим. Все рассчитала. Наверно, долго готовилась, – сказал вдруг Матвей. – Но я тебе гарантирую, что она все равно ошибется, потому что знает о мышеловке, которая уже рядом. А наживка там такая, что обязательно соблазнит плутровку.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно спросил Павел.

– Пока я это только чувствую своей кожей, – произнес Матвей. – Но помани мое слово, скоро все начнется.

– Да что начнется? Не говори загадками, – обиженно произнес Павел.

– Хватит лирики. По гильзе что-нибудь есть? – резко продолжил Матвей.

– Да, господин! – все так же обиженно ответил Павел. – Но вначале выпустим пар и выпьем уже кипящего вина.

Друзья выпили и обратились к уже заветренной закуске.

– Итак, – начал Павел. – Гильзу установили. Также и тип оружия. Это травматический пистолет Макарова десятого калибра. В ноябре прошлого он года был похищен наряду с другим уже боевым оружием и патронами к ним неустановленными преступниками из магазина «Охотник и рыболов», расположенного на улице Молодежная, дом один. И это все. Ни подозреваемых, ни нормальных свидетелей, ни отпечатков пальцев... Ничего. Висяк. Ах да, еще. Оружие с кражи нигде не проявлялось.

– Значит, этим оружием воспользовались впервые. И в меня могли стрелять и боевыми патронами. Однако почему-то преступникам я нужен живой, – сказал Матвей. – Соединяй все дела в одно, – снова попросил он. – Кстати, кто ведет дело о краже оружия?

– Твой знакомый следователь Киселев, – доложил Павел.

– Я бы на твоём месте задумался о его соответствии в должности, – с какой-то иронией сказал Матвей.

– Не держи на него обиду. Он еще довольно молодой следователь, лет тридцати пяти, да и перевелся к нам с должности дознавателя только тем летом. Кто из нас не ошибался? – произнес Павел.

– Хочу тебя поправить, дружище. Мы с тобой никогда преступно не ошибались! – резко оборвал друга Матвей. – Вспомни себя. Тридцать пять в нашей профессии – это почти пик. Ты в этом возрасте, наверно, был уже майором и старшим следователем. Я же разменял это звание в двадцать девять лет. Но давай вернемся к нашему делу. Где родственники потерпевшей? С ними вообще кто-нибудь общался? Где ее мобильный телефон? Вы пробили последние звонки? Где сейчас ключи от дверей квартиры, которыми она пользовалась, ведь ее входная дверь была именно закрыта?

Нависшее напряжение разрядил стук в двери бильярдной. Вошла официантка и спросила:

– Извините. К Вам просится женщина. Она заявила, что Вас знает, и Вы ей не откажете.

– Мадмуазель, – резко сказал Павел. – Бильярдная забронирована. Извинитесь, пожалуйста, перед дамой и скажите, что мы очень заняты.

Не успел он закончить, как в дверях появилась красивая женщина. Павел встал и, разводя руками, произнес:

– Мы всегда рады Вам, Юлия Александровна!

Официантка быстро ретировалась, а Юля подошла к друзьям и поприветствовала каждого легким поцелуем в щеку.

Юля была прошлой любовью Матвея. Павел об этом знал, так как этот роман проходил в то время, когда друзья работали вместе. Завязался ни к чему не обязывающий разговор, и Матвей с Павлом забыли о своих делах.

Время уже было вечернее, и Павел, вспомнив о каких-то неотложных делах, начал торопиться. Матвей понял, что Павел хочет их оставить наедине. Это желание у Матвея возникло гораздо ранее, но намекнуть об этом он не мог, так как весь банкет организовал и оплатил именно Павел. Уже в дверях он поблагодарил друга за отличную организацию безопасности процесса. Юля не поняла слова Матвея, однако Павел догадался, что охрана, предоставленная Матвею, им была обнаружена.

Оставшись одни, Матвей и Юлия предались воспоминаниям. Вдруг она спросила:

– Мой ласковый и нежный друг, может быть, ты закончишь начатое двадцать пять лет тому назад?

Недоумение Матвея выразилось на его удивленном лице.

– Ты о чем?

– Ты так и не научил меня играть в бильярд, – ответила Юлия.

– А нужно ли тебе это сегодня? – спросил Матвей.

– Ты пытаешься указать на мой возраст. Но я не обижаюсь. Я вполне привлекательна и сегодня! – кокетливо сказала она. – Напомни, как держать эту палку?

– Эта палка называется бильярдный кий. Хотя кому я это рассказываю? – рассмеялся Матвей.

– Хватит меня выставлять дураком. Брось ты эти свои штучки, – нежно, как-то по-родному пролепетала она.

Матвей почувствовал какую-то юношескую легкость, и щеки его покраснели. Какая-то страсть овладела им, и он этому чувству не сопротивлялся. Матвей нежно взял ее руку, чтобы передать кий. Неожиданно она обняла его шею и поцеловала в губы. Матвей не стал сопротивляться своим чувствам и крепко обнял Юлию.

Эту ночь они провели вместе в гостиничном номере военного городка. Вспоминали прекрасную бесшабашную юность. Занимались любовью и много пили. Утром, устав от того и другого, уснули, обнявшись.

Позднее утро встретило Матвея телефонным звонком. Он долго копошился, чтобы найти мобильный. Голова Матвея раскалывалась на кусочки с невообразимой болью. Количество выпитого спиртного кратно превышало его норму. Отыскав телефон в своем брошенном на полу пальто, он ответил:

– Да, слушаю Вас.

– Это я Вас слушаю!! – прозвучал в трубке голос его мамы. – Поздравляю тебя с Сочельником! Ты когда приедешь? Звоню тебе со стационарного телефона, так как со своего дорогого.

– Мамочка, привет. Роуминг отменили, и звонки по всей России стоят одинаково, – еле выговаривая, произнес Матвей. – Прости, я не приеду, очень много работы.

– Какая работа в праздники? Наверно, выпиваете с Пашкой, да шары в бильярдной гоняете. Ишь ты, холостым себя почувствовал. А Пашка, наверно, и бабу какую-нибудь приволок. Он же не женатый. Давай бросай всех. Мы тебя ждем!

– Мамусь. Честно, не могу приехать. Дела.

– Ну и шут с тобой. Мы с Наташей и Вовкой найдем здесь себе занятие. Кстати, за ней ухаживает кавалер кавказской наружности. Но не волнуйся, я держу ухо востро. Пока. Целую.

Матвей выдохнул, и вдруг сзади его обняли руки Юлии. Он обернулся, и они обнялись. Очень быстро Матвей освободился от объятий и сказал:

– Прости. Надо собираться. Да и портье скоро придет, время на часах половина двенадцатого, а расчетное время в полдень.

– Давай продлим. Я не тороплюсь. На следующие пятьдесят лет я полностью свободна.

– Однако я полностью занят. И как ты, наверно, знаешь, уже четверть века. Необходимо забыть нашу минутную слабость, – трезво сказал Матвей.

– Ну и забывай свою минутную слабость, а для меня это продолжение любви, – почти спела она.

– Какая любовь? Напились вчера до чертиков, да и понеслось, – грубовато произнес Матвей.

– Хам. Но я все равно тебя люблю! – вполголоса сказала Юлия.

Она встала с кровати и отправилась в ванную комнату. Ее прекрасное тело вновь возбуждало Матвея, но он дисциплинированно начал одеваться.

Две машины такси развезли ночных любовников по своим домам.

Глава вторая

Находясь уже дома, Матвей ходил по комнатам, не находя себе оправдания. От угрызения совести его бросало то в жар, то в холод. За двадцать пять лет супружеской жизни он ни разу не изменял жене. Ему было очень стыдно перед Наташей. Называя себя всякими нехорошими словами, он крушил все на своем пути. В доме летали стулья и кресла. Книги, бумаги и журналы были разбросаны в его кабинете и комнатах. Матвей понял, что все это так продолжаться дальше не может, вышел во двор и начал колоть дрова, мирно спящие около бани. Через два часа он утомился, потому что просто устал. Его также спас телефонный звонок, доносящийся из прихожей, оттуда, куда в порыве гнева он закинул свой телефон. Это был Павел.

– Ты можешь разговаривать? Я ни от чего тебя не отрываю?

– Не ехидничай, продолжай, – грубо выпалил Матвей. – Что, твои шпики, то есть мои охранники, тебе уже настучали про то, как у меня щепки во дворе летят?

– Ха-ха. Ты с ней, что, того? – смеясь, спросил друг.

– Не твое это дело! Говори, зачем звонишь, старый сплетник! А не то я засажу в твое мягкое место фунт соли из ружья, – не успокаивался Матвей.

– Не забывай, твое оружие вместе с сейфом в полиции, под охраной, в комнате для вещественных доказательств. Однако ты, как всегда, зришь в корень. Преступники все-таки воспользовались похищенным оружием. Приезжай в парк имени Ахматовой.

– Хорошо, только вызову такси. Я с похмелья.

– Не надо такси. Мои ребята, ну, те шпики, тебя отвезут. Все. Жду, – закончил Павел.

Солнце уже склонялось к закату. В начале января световой день еще довольно небольшой. Матвея привезли в городской парк и проводили на место, огороженное желтой лентой. Там его уже ждал Павел. Друзья поприветствовали друг друга, и Павел начал доклад:

– Вот здесь был обнаружен труп мужчины. Он был убит двумя выстрелами в сердце и голову. Личность его установлена. Это Беляев Алексей Иванович по кличке Беляш. Уголовник-рецидивист. Уголовное образование – вор-домушник. Около его трупа обнаружено предположительное орудие убийства, пистолет системы «Беретта 92» с глушителем. Стреляные гильзы пока не найдены. И еще. Убили его не здесь. Видны следы волочения по снегу. Время смерти, предварительно, четыре – пять часов утра. Эксперты уже установили, что оружие, обнаруженное рядом с трупом, именно то, что похищено в том году из магазина «Охотник и рыболов». Труп нашла девочка, которая гуляла с собачкой. И самое для нас главное. В кармане убитого обнаружен нотариальный договор дарения квартиры, даритель – Головина Анна Федоровна, одаряемый – Беляев Алексей Иванович. Договор датирован 31 декабря того года и заверен нотариусом Рыжовой Л.Н. Мои специалисты в настоящий момент проверяют подлинность договора. Но я думаю, что это липа.

– Правильно думаешь. И труп нам подбросили специально, чтобы мы уцепились не столько за этот договор, а за факт мошенничества и в прошлом, и в будущем. Пусть сотрудники прокуратуры работают. Пока для них главное – это убийство. А нам сворачивать с тропинки никак нельзя. Лихо задумали преступники. Они надеются выиграть время, пока прокуратура будет объединять все уголовные дела – и свои, и наши. Так что, мой друг, времени у нас очень мало. Вы провели обыск квартиры убитого?

– Обыск сейчас в самом разгаре, – ответил Павел.

– Тогда чего ты меня сюда вызвал? Посмотреть на зимний пейзаж? Поехали туда. И предоставь мне по ходу все данные об убитом. Именно все. Ты знаешь мои требования, – в приказном тоне сказал Матвей.

– Ну ты и крут, дружище. Давно у меня такой запары не было, – протирая пот со лба, пробормотал Павел.

Пока друзья ехали на служебной машине Павла к месту проведения обыска, между ними продолжалась беседа по факту убийства уголовника. Матвей однозначно предположил, что киллер был профессионалом. Это свидетельствовало из того, что выстрелы, произведенные им, были точными. Первый – в сердце, второй – контрольный в голову.

Неожиданно Павел спросил:

– Матвей, а что ты таскаешь уже второй день с собой за чемодан? Что это, все твои вещи при разводе?

– Очень смешно. И вообще, не лезь в мою личную жизнь! – в приказном тоне ответил Матвей. – Я с собой вожу тот фотоальбом, чтобы тебе кое-что показать.

– Что-то эротическое? – не унимался Павел.

– Пошляк. Что-то логистическое, – нервно ответил Матвей. – И вообще. Давай оставим это на потом, а то я смотрю, у тебя слишком игривое настроение.

– Ну как знаешь, – тихо пробухтел Павел. – Подъезжаем. Не забудьте свои вещички. Конечная станция.

– Давай вываливайся, колобок, – уже с иронией сказал Матвей. – Боюсь, и здесь мы уже опоздали.

Матвей опять был прав. Оперативники доложили, что прибыли на квартиру уголовного Беляева 45 минут назад. Дверь в квартиру только что открыл вызванный из домоуправления слесарь. В квартире все было перевернуто. Видать, искали тщательно и неторопливо. В настоящее время проводился розыск очевидцев и поквартирный обход. Криминалисты с собакой уже выехали.

– Собака – это хорошо, – сказал и вздохнул Матвей. – Срочно запросите все данные с уличных и придомовых видеокамер. Может, они нам что-то расскажут.

Оперативники переглянулись. Павел увидел их реакцию на гражданского незнакомого человека, отдавшего распоряжение, и сказал:

– Ребята, руки в ноги и работаем, как учили. Вперед!

После этого подошел к Матвею и на ухо ему произнес:

– Здесь я начальник, а ты лишь свидетель, и то по другому делу. Молчи в тряпочку.

В ответ Матвей дал согласие, качнув головой.

Павел, взбодрившись, продолжил давать ценные указания своим сотрудникам.

Матвей понял, что в квартиру проходить нецелесообразно, дабы не подставить друга. После этого вызвал такси и поехал домой ждать отчета Павла.

Дома он вытащил из посудомоечной машины давно вымытую посуду. Расставил ее по местам и отправился в душ, смыть с себя весь негатив, полученный за сутки. Через час он положил на отдых изрядно потрепанную мочалку и стал собираться с мыслями, чтобы позвонить жене. Разговор, на его счастье, был коротким, так как свекровь, Лариса Александровна, чем-то важным заняла сноху. Обменявшись дежурными поздравлениями, они закончили диалог. Матвей выдохнул. Достал фотоальбом Головиной и продолжил его изучение. Просидев за этим около получаса, он вдруг поймал себя на мысли: «Если наше следствие не исключает, что мотивом преступления могут служить награды генерала, то где они? Мы нашли только один орден. А где остальное? Может быть, все находится у родственников? Тогда мне нужен полный их список. И странно, почему дети не навещают Анну Федоровну. Может быть, их еще не установили? Так чем занимается полиция? Где последние звонки на телефон и с телефона потерпевшей? Чем вообще занимается Павел и его подопечные? Это какая-то вакханалия. Мы топчемся на месте и констатируем преступление за преступлением. Что искали преступники в квартире пострадавшей? Что, возможно, они уже нашли? Складывается такое ощущение, что они долго готовились, и кража оружия – лишь один их эпизод этой подготовки. А что, если их несколько? Мы ничего не знаем. Кого Анна Федоровна хотела назвать «ри»? А может, это предмет, а может, фамилия? Вполне возможно, это фраза и какое-то желание к сотрудникам

«Скорой». Как бы все стало проще, если бы она пришла в себя и заговорила. Скольких преступлений мы могли бы избежать и в прошлом и, скорее всего, в будущем? Если наша версия – награды, то надо посчитать их стоимость, как бы это ни было кошунственно».

Матвей выписал все награды с генеральского кителя и через интернет начал узнавать стоимость каждой на сегодняшний день. На эту кропотливую работу у него ушло около двух часов. Сложив все суммы, он почесал затылок. Более пяти миллионов рублей. Матвей подчеркнул цифры самых дорогих из них. Это были все те же орден Красного Знамени и орден Ленина, под их номерами. «Стоп. Если преступники уже похитили эти ордена, за исключением ордена Красного Знамени, то что они ищут? Может быть, что-то более ценное? Однако из протокола осмотра квартиры потерпевшей установлено, что золотые украшения находились в шкапулке серванта, и на них были только ее отпечатки пальцев. Получается, что украшения, которые сбыть легче, они не взяли, хотя их стоимость не отличалась от стоимости наград, а награды похитили. Какая-то несостыковка. А вот почему? Значит, они хотели похитить что-то ценнее, а по независящим от них обстоятельствам этого сделать не смогли. Вот почему преступники пошли на неоправданный риск и вернулись на место совершенного преступления. Но где же это самое ценное? Повторный осмотр ничего кроме ордена не установил. Что же Вы прячете, Анна Федоровна? И где? Мне очень нужны Ваши близкие родственники или лучшая подруга», – подумал Матвей. После этого встрепенулся и крикнул:

– Но где же ты, Пашка, черт тебя подери, где?

А Павел в эту секунду набирал номер Матвея. Друзья давно замечали за собой какую-то энергетическую связь. Они как близнецы, находящиеся на большом друг от друга расстоянии, могли и думать одинаково, и что-то похожее делать. Этому наблюдению было уже около двадцати лет.

Матвей схватил звонивший телефон:

– Ты где?

– У калитки твоей. Уже пять минут жму на звонок. Ты оглох? – спросил Павел.

– Жди еще столько же. Я оденусь и выйду. Что, не мог по-современному? Просто предупредить о визите, – с недовольством произнес Матвей, хотя и был очень рад другу.

Наступала ночь Рождества Христова, и друзья отложили текущие дела, решив отпраздновать. С этим предложением обратился Павел, наотрез отказавшись обсуждать рабочие моменты в один из главных христианских дней. Матвей согласился. Два друга просмотрели праздничную литургию и разговелись хорошим вином, привезенным Павлом. Уже в два часа ночи из комнат дома раздавались посапывание и храп православных друзей.

Утро встретило друзей сильным дождем со снегом. Как будто разверзлись хляби небесные, и водяной потоп лился с крыши дома Матвея.

– Вот это непогода! – выйдя из ванной комнаты, сказал Павел. – Синоптики говорят, что такой теплой зимы никогда не было за все время наблюдений.

Матвей уже варил кофе и пригласил друга на завтрак. Трапеза состояла из нескольких бутербродов, двух вареных куриных яиц и бархатистого капучино. Припасов еды в доме больше не было.

– Ты что, закуски не мог привезти? – начал Матвей.

– Отнюдь! – ответил Павел. – Еще ночью на столе был прекрасный голландский сыр. Но кто-то, не будем показывать пальцем, его схомячил, – иронично продолжал Павел.

– Позвольте, сударь, но сыр был подан к французскому вину Божоле, – подыграл другу Матвей.

И оба рассмеялись.

В связи с тем, что седьмое января даже в полиции считалось выходным днем, Павел не торопился на службу. Он удобно устроился в кресле. Придвинул журнальный столик и выложил на него кипу бумаг.

– Начнем! – бодро сказал он и неторопливо и по порядку поведал Матвею о ходе следствия.

Он рассказал, что при проведении обыска в квартире уголовного Беляева был обнаружен пустой тайник, где ранее хранилось оружие. Тайник находился в полке раскладывающегося дивана. В нем обнаружена ружейная смазка. Какое оружие там хранилось, устанавливают эксперты. Также было найдено: личные документы Беляева, пять штук сотовых телефонов без сим-карт, набор отмычек, каталог почтовых марок, золотой браслет, альбом с сорока пятью советскими и иностранными монетами, наручные часы марки «Ракета» и «Полет», а также всякая мелочь. Личный телефонный номер, либо номера Беляева, уточняются у операторов связи.

Следствием установлены последние звонки за два месяца на телефон и с телефона потерпевшей Головиной. Сам ее мобильный телефон не обнаружен. Среди упомянутых звонков, кроме звонков риелтора Владимиров Матвея Андреевича, есть восемнадцать входящих и исходящих вызовов с номера, принадлежащего Волковинской Римме Эдуардовне. Три звонка из отдела социальной защиты районной администрации и один звонок на номер 112 – скорая помощь. За три дня до преступления были звонки только от Волковинской и Матвея Владимиров.

Установлена личность сотрудника соцзащиты. Это некая Петрова Раиса Вячеславовна. Пятидесяти трех лет, ранее несудимая. Она была закреплена за пожилыми людьми района проживания потерпевшей. Характеризуется с положительной стороны. Определена личность Волковинской. Возраст семьдесят четыре года. Пенсионерка. Ранее также не судимая. Проживает в соседнем подъезде дома Головиной. В настоящий момент находится в Таиланде по туристической путевке с 30 декабря по 8 января. Вылет ее с аэропорта Пулково установлен.

Сама потерпевшая, 15 марта 1943 года рождения, проживает по своему адресу с 1947 года. Ранее проживала в поселке Кунцево Московской области с марта 1943 года по декабрь 1947 года. В молодости окончила музыкальное училище и преподавала в музыкальной школе. Позже работала педагогом по музыке в школе № 6 нашего района. Не судима. От брака имеет сына. По вступлению в брак оставила свою девичью фамилию.

Ее супруг служил инженером на Механическом заводе. Скончался в 1993 году. Родственники потерпевшей установлены. Сын – Головин Федор Петрович, 1969 года рождения. Преполагает в Тамбовском Государственном Университете. Не судим. Проживает по месту регистрации в городе Тамбов. Женат. Имеет дочь. И так далее. Приезжает завтра для дачи показаний.

При дополнительном осмотре квартиры Головиной изъяты старые письма, над которыми «колдует» следователь Хрипкова Н.В. Ключей от входной двери не обнаружено. Эксперты установили, что замок входной двери пострадавшей повреждений не имеет. Отпечатки пальцев, взятые в квартире, принадлежат хозяйке. Обнаружены отпечатки на стакане в гостиной. Они принадлежат Матвею и Семенов Ойге. Также имеются отпечатки на чайной фарфоровой чашке в столовой. Они принадлежат Семенову Олегу и Семенов Ойге.

Все это время Матвей тщательно что-то записывал в свой блокнот, лишь изредка поглядывая на Павла.

– Извини, Павел, – остановил его Матвей. – Вы чердачное помещение в доме потерпевшей осматривали?

– Конечно. Но я понял. Сегодня осмотрим повторно, – мгновенно ответил Павел. – У меня все.

– Но ведь можете, когда хотите! Будь у нас эта информация раньше, мы бы допрашивали Беляева, а не опознавали его сегодня в морге, – грустно сказал Матвей.

– Кем опознавали? – удивился Павел.

– Увы, мной, дружище, – все так же грустно сказал Матвей.

– Но сегодня праздник и выходной, – возразил Павел.

– Мы не поздравлять его едем. И выходные ему предоставлены уже навсегда. Звони в морг, договаривайся. Далее. Вызывай на допрос Семеновых и сразу сегодня установи за ними наружное наблюдение, – продолжал Матвей.

– А это тебе еще зачем? Ты их подозреваешь? Говори подробности, а то на каком основании мне предоставят наружку? Да и сколько бумаг сегодня потребуется?! – недовольно произнес Павел. – Приехал, блин, на Рождество!

– Не гундось, дружище. Лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся, – эмоционально и восторженно сказал Матвей, затем продолжил:

– Твои подчиненные молодцы. Конечно, не без изъянов, но они установили подозреваемых. Теперь главное – не упустить дичь пожирнее. Передай лично тем, кто будет осуществлять наружное наблюдение, чтобы все фиксировали на камеру. Дай указание отследить последние звонки и разговоры Семеновых. Номера телефонов я тебе предоставлю. Установите их дополнительные номера, место проживания. Через Семеновых, возможно, установить их контакты. Узнайте, чем они дышат и где работают. Только аккуратно, без запросов характеристик. Установите их автомобиль или все автомобили и пробейте их по камерам в дни всех преступлений по этому делу и делу хищения оружия. Не мне тебя учить.

– Молодец. Он уже мечтает, что я уже везде и со всеми договорился, – недовольно заключил Павел.

– Пашка! Если мы еще протянем время, нам не за кем будет уже следить! Угроза Семеновым присоединиться к Беляеву очень велика. Поверь мне. И это еще не все. Сейчас мы едем осматривать чердак. Вызывай людей.

Павел схватился за голову и сказал:

– С Рождеством Вас, друзья!

Друзья приехали к дому потерпевшей. Матвей вышел из машины и, потянувшись из-за усталой спины, указал на камеру видеонаблюдения, установленную на столбе около входа в школу № 1.

– Вы ее просматривали? – обратился он к Павлу.

– Нет. Может быть, ее поставили после преступления, – ответил друг.

– А пойдем спросим, – предложил Матвей.

– Не вижу препятствий! – бойко ответил Павел.

На самом деле камера была установлена уже давно. Да и просмотренная запись времени преступления не дала какой-нибудь дополнительной информации по делу.

Дом, где проживала потерпевшая Анна Федоровна, был «сталинский», старой четырехэтажной застройки. Чердачное помещение было огромное, и сотрудникам полиции пришлось попытаться, чтобы облазить все уголки. Однако их усилия вознаградились. Они нашли небольшой газовый ключ со следами крови в верхней части. Рукоятка ключа была обмотана бинтом. Это могло быть орудием преступления, а целью – убийство. Но друзья не стали торопиться с выводами, покуда специалисты не проведут экспертизы. Радость от находки сменилась после телефонного доклада Павлу его подчиненными. Они обнаружили трупы Семеновых в собственном гараже около места проживания. Семеновы были застрелены в заднюю часть головы и располагались на передних сидениях автомобиля Опель. Как позже установят судебно-медицинский эксперт и криминалисты, смерть наступила 3-4 дня назад из-за выстрелов в голову, произведенных пистолетом системы «Беретта 92». Гильзы от пуль и само оружие без отпечатков пальцев находились в салоне автомобиля. Оружие и патроны были из той же партии похищенного в том году. Смерть Семеновых наступила мгновенно.

Матвей и Павел понимали, что это обрыв всей нити их расследования. Как-то по инерции они еще посетили морг, где Матвей опознал труп Беляева, установив, что именно Беляев был на одном из просмотров квартиры Головиной.

Друзья ехали домой к Матвею и молчали. На середине пути Павел начал разговор первым:

– А как ты догадался, что Семеновы и Беляев участники преступления?

– Что насчет Беляева, то я понял это только в морге. Предположил, потому что при обыске в его квартире нашли коллекционные монеты и марки. Когда я просматривал деятельность лиц, которым показывал квартиру, прочитал несколько его объявлений о продаже и мене данных вещей. Это было хобби покойного. Но вот с Семеновыми мне помогла фотографическая память событий, в которых участвовал, а именно, когда вместе с четой Семеновых мы прошли в гостиную и увидели окровавленную Анну Федоровну, Ольга Семенова упала в обморок. Я побежал в столовую и налил из-под крана холодной воды в стакан. Вернувшись к Ольге, я набрал в рот воды из стакана и брызнул на ее лицо. Она очнулась, я вставил ей в руки стакан, а сам помог поднести его к губам, и она выпила. Если бы я сам вылил ей в рот воду, она могла захлебнуться. А так как она это сделала сама, то не могла причинить себе урон.

– Откуда у тебя такие познания? – спросил Павел.

– Учиться надо было лучше, – ответил Матвей и продолжил. – Я оставался с Ольгой, и тогда Олег Семенов спросил, где ему тоже можно попить воды? Тогда я указал рукой направление в столовую. Он вернулся. В руках у него ничего не было. Все находились в гостиной, когда я потрогал пульс Анны Федоровны и вызывал скорую и полицию. После этого мы все дружно пошли в коридор, где Семеновы присели на кушетку, а я стоял рядом. В столовую больше никто из нас не ходил. А давеча ты мне сказал, что эксперты в столовой обнаружили отпечатки пальцев на чайной чашке. И отпечатки были обоих супругов. Значит, Ольга уже была в столовой до нашего прихода! А это что? Олег об этом мог знать, либо был с ней. Он мог предположить, что эксперты установят факт присутствия Ольги в столовой. И попытался запутать следствие, наложив свои отпечатки на чашку, которой ранее уже пользовалась Ольга. Она как минимум свидетель преступления. Олег, скорее всего, тоже. Но если так было на самом деле, а я уверен, что будь Олег опытнее, первым делом должен был протереть чем-нибудь чашку, а уже потом ее брать. Значит, он очень волновался и торопился. Олег мог предполагать, что я вернусь еще за одной порцией воды. И актерская игра Ольги, и случившийся обморок – это звено подготовленного действия.

– Ты Шерлок Холмс! – сказал восторженно Павел.

– Да брось ты, Ватсон. Если бы ты был на моем месте, тоже догадался, – сказал Матвей. – Что будем делать дальше? – и, не дожидаясь ответа Павла, продолжил. – А теперь ждем сына Головиной и соседку Волковинскую Римму Эдуардовну. И ее имя, начинающееся на слог Ри, может оказаться той же пустышкой, как и многое другое.

Глава третья

В конце дня дождь со снегом усилились. Подул неприятный ветер. Прохожие укутались в капюшоны и опустили глубоко на головы головные уборы. Уже стемнело, но друзья прохаживались по дорожкам около больницы, вблизи которой посещали районный морг. Разговор между ними был спокойный, но оба чувствовали нависшее напряжение.

Почему они оставили тебя живым? – спросил Павел. – Преступники отложили тебя на третье блюдо?

– Боюсь – на десерт, – ответил Матвей.

Друзья любили вести диалог, заменяя слова и выражения на понятные им самим.

Матвей продолжал:

– Я им зачем-то нужен. Но зачем? Пока мы не разгадаем этот ребус, не тронемся с места в нашем расследовании. Как много могла рассказать Анна Федоровна. Кстати, ты узнавал, как у нее дела?

– Если бы были какие-нибудь изменения, то ты уже их бы знал, – ответил Павел.

– А вы проверяли ее квартиру на предмет тайника? Собаку с милицией вызывали? – уже немного шутя, задал вопрос Матвей.

– Ты опять попал в точку. Следователь Хрипкова доложила, что специалисты всю квартиру простучали, прозвонили на предмет радиации. Служебная собака все прониюхала на предмет обнаружения наркотиков и взрывчатых веществ. И ни-че-го.

– Но не может быть ничего. Стоп. Преступники ведь прекратили свои попытки проникнуть в квартиру. Значит, они считают, что мы могли это что-то найти. Тогда что? Они предпримут попытку это у нас забрать. А как это сделать? Воспользоваться своим человеком или людьми, работающими в нашей среде. Конечно, ни штурмом на отдел полиции пойдут, а именно связями. Значит, нужно искать крота в твоём подразделении. Да-да. Именно в следственном отделе. Заодно и проверить смежников, то есть оперативников, которые привлекались к нашим делам, – задумчиво протянул Матвей.

– Ты что, белены объелся? Как ты это все видишь? Я соберу коллектив и спрошу, кто из них подрабатывает налево? Тот, конечно, признается и, осознав свою вину, расплатится и будет падать в ноги сослуживцам вымаливать прощение! – с округленными глазами выпалил Павел.

– Нет, мой друг. Все надо сделать по-другому. Необходимо, чтобы кто-нибудь разговорчивый, а такой всегда найдется, узнал о том, что следствие еще что-нибудь нашло. Однако, что именно, неизвестно, так как это тайна следствия, – продолжил Матвей. – И тогда нам будет очень нужно опасаться за свои шкуры. Именно свои. Преступники уже прекрасно знают, что мы с тобой работаем в тандеме.

– То есть ты хочешь сказать, что мы будем приманкой? – уже почти шепотом спросил Павел.

– Да, именно мы. Потому что пока преступники думают только на меня. Вот отчего я с тобой сейчас разговариваю, находясь в полном здравии. Тем самым они себя должны выдать, если, конечно, мы останемся в живых. Но смею тебя заверить, это напрасно. По идее, они нас должны пытаться, чтобы получить ту вещь, о которой, в отличие от нас, они знают. Ну а потом мы им будем не нужны и Для этого случая нужно заранее приготовить элемент торга. Тогда наши шансы резко вырастают. И становятся пятьдесят на пятьдесят, – заметно взбодрившись, закончил Матвей.

– Нет, Матвеюшка! На это я пойти не могу. Я молодой неженатый мужчина в самом расцвете сил. Мне еще необходимо свое семя рассыпать и дожидаться потом и внуков. Нет, такого договора не было. Ищи другой план, – иронически сказал Павел.

– Увы. Выбора у нас нет. Либо закрывай дело и уходи на пенсию, где бесславно будешь воспитывать своих отпрысков, рассказывая о своем героическом прошлом, – заключил победоносно Матвей.

– Ну и ладно. Давай рискнем. Им же хуже будет! – смеясь, согласился Павел. А затем спросил:

– А охрану можно за собой приставить?

– Ни в коем случае. Будь просто бдителен. Да и мою охрануними. Для преступников это уже как секрет Полишинеля, – добавил Матвей.

После этого друзья разъехались по местам обитания.

Дома Матвей вновь окунулся с головой в историю с фотоальбомом семейства Головиных. Он понимал, что для уголовного дела пока ничего сделать не может и захотел исправить несправедливость. Матвей решил для себя, что необходимо изучить личность генерала Головина и обратиться в компетентные органы для его реабилитации. Покопавшись в своей записной книжке, Матвей нашел телефон своего старого друга, полковника Истомина. Решив, что время еще подходящее, набрал его номер телефона. Абонент долго не брал трубку, и Матвей уже хотел было отменить вызов, как вдруг ответили.

– Алло, – начал Матвей. – Андрей Владимирович?

– У аппарата, – четко ответил полковник.

– Вы можете говорить? Я ни от чего Вас не отвлекаю? – спросил Матвей.

– Сейчас, мой друг, меня отвлекают только мои неугомонные пудели, которые бегают вокруг меня и что-то требуют, гавкая одновременно. Мы вышли на вечернюю прогулку. Но им кажется, что чего-то не хватает. Наверно, хотят, чтобы я отыскал их косточку, закопанную ими утром. А я и не помню, где эти балбесы носились с ней, – как всегда с иронией сказал полковник. – Рассказывай, что случилось.

– Это не телефонный разговор. Необходимо встретиться, – сказал Матвей.

– Так в чем, собственно, дело? Я всегда рад тебя видеть. Время еще детское, да и ложусь я поздно. Приезжай, – предложил полковник.

На часах было восемь часов вечера с четвертью, и Матвей, захватив фотоальбом Головиных, выехал на встречу.

Полковник Истоминон был сотрудником федеральной службы безопасности и возглавлял областное управление ФСБ.

Беседа была долгой, но плодотворной. Андрей Владимирович пообещал Матвею помочь в ознакомлении с уголовным делом, заведенным на генерала Головина. А также и дальнейшую помощь, которая обязательно потребуется. О сроках обещать не стал, ссылаясь на новогодние праздники. Матвей поблагодарил полковника, пообещав со своей стороны любые свои услуги. На что Полковник иронично ответил, что услуги ему и так безвозмездно, то есть даром, оказывают в ведомственной поликлинике. Пожал ему руку и по-отечески перекрестил на дорожку.

Воодушевленным Матвей ехал домой. Уже за полночь он ввалился в дом. Падая от усталости, он рухнул на диван, стоящий в гостиной, и уснул крепким молодецким сном.

А для Павла эта ночь была бессонной. Он только недавно понял, что если вновь утвержденный друзьями план подействует, преступникам уже будет не интересен Матвей. И они могут предпринять действия, угрожающие его жизни. Из-за этого он еще с вечера приказал усилить охрану Матвея, а также его жилища. Отрядил и хорошего оперативника, которого отправил на базу отдыха семьи Матвея, чтобы, не дай бог, с них не упал ни один волосок. Об этом решении он не собирался докладывать Матвею. А если друг об этом узнает, решил отшутиться, что всегда был перестраховщиком.

Наступило утро. Матвея разбудили яркие лучи солнца, пробившиеся сквозь шторы. Небо было голубое, как спокойная морская лагуна. Все вчерашние тучи испарились, и виденный им

прекрасный сон сразу забылся. Матвей всегда, просыпаясь, вспоминал то, что видел во сне. Но это не всегда удавалось. Однако то, что явилось во сне, он придавал вполне серьезному анализу. В этот раз Матвей спокойно потянулся и, плюнув на утреннюю зарядку, напрямую отправился к холодильнику. Там, кроме «повесившейся от голода мыши», он ничего не нашел и, с грустью поставив вариться кофе, удалился в ванную комнату. Закончив утренние процедуры, Матвей блуждал по дому, ожидая звонка от Павла с последними новостями. Наконец ожидание стало его угнетать и, не выдержав этого, он сам набрал Павла.

– Я перезвоню Вам, – коротко ответил Павел и сбросил звонок.

«Наверно, очень занят», – подумал Матвей и уже облегченно, так как услышал голос друга, начал перебирать свои бумаги. С ними он разбирался долго, так как в пылу своей злобы после встречи с Юлей в раздражении разбросал их по всему дому. Неожиданно он услышал какой-то шум около дома. Матвей подошел к окну и увидел стаю куропаток, копающихся в проталинах снега на участке. Такое зрелище он наблюдал не раз. Птицы часто залетали в гости, и это радовало глаз. До леса от дома было совсем близко, и птички прилетали в поисках гостинцев во владениях людей. Матвей на мгновение задумался о красоте места, в котором построил свой дом. Потом с грустью вспомнил, что на время его владения осиротели. С близкими ему людьми он не виделся уже целую вечность. Даже в рабочие будни Матвей раз десять общался с Наташей, получая от нее всевозможные хозяйственные наставления. А что тут говорить о Вовке? Его он обожал и баловал, как мог. Хотя и предполагал, что в дальнейшей жизни это может и навредить сыну. Но ничего с собой сделать не мог. Эти чувства он испытывал, вероятно, потому что в своем детстве имел дефицит такого отношения к себе. Да и времена были другими. Матвей очень любил свою старшую дочь от первого брака и внучку. Однако жизнь так сложилась, что виделись они крайне редко. Вспоминая о маме, он переживал за ее самочувствие. Ведь в последнее время ее стали беспокоить различные недомогания. Приобретенные ей лекарства занимали половину кухонного стола. Ее поездки в поликлинику стали такими частыми, что любой не знающий человек посчитал бы, что она там работает. Благо, возле нее есть друг Виктор Викторович, который ее всячески поддерживает. За свою среднюю дочь Кристину он не беспокоился, так как она с супругом Константином уехала на все праздники на Урал кататься на лыжах и любоваться природой.

Его воспоминания прервал телефонный звонок. Это был Павел.

– Предлагаю почаевничать на нашем месте, – сказал он. – Я уже обо всем договорился.

– Привет, Пашка! – радостно ответил Матвей. – Отменяй планируемый объект и дуй ко мне. По дороге заскочи в магазин и купи провизии. Очень хочется кушать. Да, и хвоста за собой не приведи! – закончил он иронично.

– Все понял, шеф. Бабе цветы, а детям мороженое, – с гоготом ответил он, вспомнив фразу из фильма «Бриллиантовая рука». – Еду!

Через час Павел вошел в дом Матвея с двумя полными сумками продуктов. С порога сразу поставил другу условие:

– Ты начинаешь варганить обедню, а я подготовлю все для доклада. Так как информации много, ты можешь не торопиться.

Матвей возразил:

– А давай, ты будешь докладывать одновременно с приготовлением еды? А то у меня руки чешутся от недостатка информации!

– Нет. Командовать парадом сегодня буду я! И торг здесь неуместен. Надевай передничек, и к станку! – строго и радостно распорядился друг.

Матвей молча согласился и потащил сумки с продуктами на кухню.

Еще через час друзья уплетали пельмени, размявшись перед ними «весенним салатом» из свежих овощей. Запив все съеденное горячим чаем с лимоном, они вышли на террасу, закулив по сигарете.

– Жаль, что ты не умеешь готовить супчик с потрошками, как упоминал Жиглов в фильме «Место встречи изменить нельзя». Тогда бы я точно наелся, – сказал Павел.

– А вот наше место встречи я поменял не случайно. Ведь, возможно, за тобой ведется наблюдение. И мне не хотелось раскрывать нашу базу, – сказал Матвей.

– А я подумал, что тебе не хотелось опять повстречаться с Юлей, – с улыбкой произнес Павел. – Что не понравилось?

– Прекрати пороть чепуху, половозрелый похотливый толстячок. И впредь не говори со мной о ней, – раздраженно заявил Матвей.

– Я, конечно, не обижаюсь, но заметь, с этим делом я уже похудел на два килограмма, – вполголоса сказал Павел.

– Ну и худей себе на здоровье, а эту тему забудь, – закончил Матвей.

– Слушаю и повинуюсь! – согласился Павел.

Он уже подготовил все свои бумаги, разложив их на журнальном столике, и начал доводить информацию до Матвея:

– Убитые Семеновы были 1991 года рождения. Родились в городе Новокуйбышевске. Воспитывались в детском доме, а позже в школе-интернате того же города. В 2009 расписались и стали жить в законном браке. Любили друг друга с детства. До замужества фамилия Ольги была Найденова. По закону в том же году получили однокомнатную квартиру. Ранее были судимы за кражу. Два раза проходили свидетелями по хулиганству и причинению легкого вреда здоровью потерпевшему. Работали в аптеке: Олег – водителем, Ольга – курьером. Переехали в наш город в июле прошлого года и поселились на съемной квартире. Хозяин квартиры им предоставил и пустующий гараж, расположенный рядом в гаражном кооперативе «Москвич». Место работы Семеновых в нашем городе не установлено. Телефонные переговоры вели в основном между собой и ни о чем. Возможно, у них имелаась и другая телефонная связь. На своем автомобиле «Опель» они выезжали редко. В основном в магазины. Во время интересующих нас преступлений их машина нигде не засветилась. Обыск, проведенный в съемной квартире Семеновых, не дал положительных результатов, которые могли бы нас продвинуть дальше в расследовании. Родственников и детей у них не было. Далее. Следствием было установлено, что убитый Беляков, 1989 года рождения, воспитывался в том же интернате, что и Семеновы. Имел четыре судимости за кражи, мошенничество и подлог. Первую ходку получил по малолетке за кражу. Приехал в наш город в мае прошлого года и также снял квартиру. Зарабатывал на обмене и продаже монет и почтовых марок. Под надзором полиции нашего города не состоял, но в уголовных кругах имел авторитет. – Павел отвлекся, чтобы попить воды из заранее приготовленного стакана. Отхлебнув залпом половину, он продолжил. – Головин Федор Петрович на допросе рассказал, что со своей матерью не общается около десяти лет. Причину этого не объяснил. За последние два года из своего города не выезжал. Его супруга и дочь тридцати лет проживают с ним в трехкомнатной квартире. О том, что мать продает квартиру, впервые услышал от нас. Ключей от квартиры матери не имеет. Последний раз с ней созванивался почти год назад на ее день рождения. Дочь его – инвалид первой группы. За ней ухаживает его супруга, официально не трудоустроенная.

Павел допил оставшуюся воду и попросил Матвея налить ему еще.

– Я понял Вас, месье. Будет сделано, – услужливо, как гарсон, сказал Матвей, накинув при этом на руку полотенце.

Друзья рассмеялись.

Когда сценка с водой и стаканом закончилась, Павел продолжил:

– Допрошенная по делу Волковинская рассказала, что является подругой потерпевшей Головиной уже более сорока лет. Они вместе преподавали в школе № 6. В молодости они дружили семьями. А когда умерли их мужья, ходили по очереди друг к другу в гости, вместе отмечали праздники. В общем, стали как родные сестры. В последние месяцы ничего особен-

ного у Головиной подругой замечено не было. А сейчас внимание! Я Волковинской показал фотографии некоторых посторонних людей, среди которых были и Беляков, и Семенов Олег, и Семенова Ольга. Волковинская указала на фотографию Ольги Семеновы и сказала, что это Рита. Фамилию она не помнила или не знала. После вопроса, кто такая Рита, Волковинская рассказала, что Рита примерно в ноябре того года обратилась к Головиной за помощью в игре на фортепьяно. Рита заявила, что училась в школе, когда Головина вела там музыку. Также Рита сказала, что помнила учителя с детства. Анне Федоровне показалось, что она помнит Риту, и она согласилась. Тем более, это было не бесплатно. Два урока в неделю по 2 часа каждый. Больше ничего о Рите Волковинская рассказать не смогла, так как на эту тему особо и не общалась с Головиной. Последний раз она видела подругу 30 декабря, в день своего отъезда на отдых. И на концовку, – продолжил Павел, снова отхлебнув из стакана воды. – Эксперты, поколдовав над газовым ключом, найденным оперативниками на чердаке дома, определили, что кровь на нем той же группы, что и у потерпевшей. А также они обнаружили на его средней части несмазанный отпечаток пальца. Как ты думаешь, Матвеюшка, кому он принадлежит?

– Отпечаток принадлежит Семеновой Ольге. Именно она нанесла удар по голове пострадавшей. Если бы это сделал мужчина, удар был бы сильнее и пробил бы черепную коробку, что привело бы к верной гибели потерпевшей.

– А ты знаешь, комиссар Мигрэ, С тобой становится неинтересно разговаривать. Может ты еще и знаешь, как Семеновы остались незаметными на камерах видеонаблюдения у дома Головиной? – спросил Павел.

– Конечно, знаю. Семеновы пришли затемно. Прошли в последний подъезд, до которого не хватает ракурса съемки камеры, расположенной около школы №1. В ее поле попадают всего три из четырех подъездов дома. Семеновы отсиделись до того момента, пока многие жильцы уйдут на работу. Прошли по чердаку насквозь дома и спустились к квартире потерпевшей. После этого Ольга позвонила в дверь. Анна Федоровна ей открыла и, скорее всего, пригласила в столовую попить чай. После того, как потерпевшая отправилась к фортепьяно, Семенова вытащила из-за пазухи газовый ключ и ударила им по голове потерпевшей. Потом позвала подельника Олега, и уже вместе они приступили к поиску предмета или предметов, о котором знали пока только они. Поиски были спешные, так как им надо было еще вернуться тем же путем, и уже из-за угла с другой стороны дома встретиться со мной. Для них я был алиби и одновременно подставной фигурой подозреваемого. Меня они уже давно включили в свой преступный план. Скорее всего, когда узнали от Головиной, что она общается со мной по продаже квартиры. Преступники знали, что подружка Волковинская уехала на отдых. Об этом могла спокойно проговориться Анна Федоровна, и у них было время совершить преступление и скрыться из города. Но их главарь не учел, что я тоже не лыком шит, да еще и бывший следователь, – закончил Матвей.

– Да какой ты бывший? Бывших следователей не бывает. Как говорят, опыт не пропьешь. Молодец ты, наш Пуаро! – восторженно сказал Павел, поднял вверх стакан с водой и выпил залпом.

– Твои подопечные, конечно, молодцы. Провели огромную работу. Но мы не приблизились ни на сантиметр к главному преступнику. А то, что он очень грамотный, умный и хитрый, не мне тебе рассказывать. К тому же, он еще и циничный убийца. Может, и не он убивал, но убивали по его приказу. Посмотри, как он грамотно спланировал почти все преступления. Кража оружия – бысь об заклад, его рук дело. Ограбление Головиной и ее несостоявшееся убийство. Здесь подвела Семенова. Далее. Убийство всех участников дела, так как, скорее всего, они знали главаря в лицо, а я знал их. А что еще нас ждет? Мы не знаем весь состав его преступного сообщества. Какие еще события могут всплыть? Но уже знаем, что банда им собиралась в одном городе и из одного учреждения, где, возможно, раньше и был главарь. И я

скажу тебе, дружище, он не остановится. Ему нужно заполучить цель преступления, о которой, увы, мы не знаем, – сказал Матвей.

– Я сегодня же отправлю запросы в Новокуйбышевск по нашим фигурантам, чтобы получить полную информацию по их личностям. Может быть, мы приблизимся к установлению их руководителя, главаря банды, – сказал Павел.

– Правильно. Но для этого отправь туда следователя Хрипкову. Надо бы на месте, вживую пообщаться с профессионалами, которые вели уголовные дела с участием интересующих нас лиц. Также необходимо пообщаться с персоналом и руководством учреждений, где до совершеннолетия воспитывались убитые. И предоставь ей максимальные полномочия, – посоветовал Матвей.

– Может, отправить несколько сотрудников для экономии времени? – спросил Павел.

– Не стоит, так как все другие у нас под подозрением. В Хрипковой я уверен. Не засвети ее с командировкой. Для всех она на больничном, – ответил Матвей.

– Хорошо. Так и будет, – согласился друг.

Друзья еще долго беседовали, споря о том, как лучше завтра внедрить в коллектив отдела полиции их план по утечке информации о найденном еще одном вещественном доказательстве по делу. Им был очень нужен тот человек, который, по их мнению, связан с преступниками.

После всего они выпили кофе, и Павел уехал.

Остаток дня Матвей провел за записями своих наблюдений и обдумыванием происшедшего. Потом как бы по привычке открыл фотоальбом Анны Федоровны и вновь перенесся в прошлое. На него опять нахлынула грусть и уныние, а также предчувствие какой-то недосказанности в истории.

Его мысли потревожил телефонный звонок от соседа Димы.

– Полковник! А не раздавить ли нам пузырек хорошего благородного напитка? А то ты куда-то пропал, и праздники без тебя – не праздники. Да и вообще, расскажи, что у тебя произошло?

Дмитрий, живя по соседству, знал, что Матвей ранее работал в органах и обращался к нему с уважением – «полковник».

– Заметьте, не я это предложил, – как-то взбодрившись, ответил Матвей.

Матвей чувствовал, что организму нужен какой-то импульс. Постоянный стресс приводил его к усталости и обреченности. Возможная смена обстановки могла бы разбавить этот процесс и добавить уверенности. Он прихватил с собой свежие овощи, привезенные Павлом, и пошел в гости к соседу. После первых бокалов горячительного разговор с Димой уже пошел на более приземленные бытовые темы, и Матвей расслабился.

В первом часу ночи Матвей вернулся домой и лег спать.

Будний рабочий день Матвей встретил с головной болью. Всегда зная меру в спиртном, он явно вчера увлекся. Приняв холодный душ и выпив таблетку аспирина, Матвей включил телевизор и принял горизонтальное положение на диване. По новостям он узнал о свирепствующем в Китае коронавирусе. Об аномально теплой зиме. Об огромной сумме, выигранной в «Русском лото», и безуспешных поисках победителя. «Везет же некоторым», – подумал Матвей и переключил на телеканал о рыбалке. Он был заядлым рыбаком, и Наташа всегда ругалась из-за сушки рыбы прямо на террасе.

Головная боль наконец стала отступать. Матвей решил позвонить своему другу Сергею, главному редактору популярной местной газеты «Городской стиль».

– Серега, привет. Не спрашиваю, как дела – знаю, все отлично! – начал приветственно Матвей.

– И я тебя категорически приветствую, – ответил Сергей. – Как жена, как дети, как здоровье? – спросил он.

– Все хорошо, – ответил Матвей и продолжил. – Скоро сезон рыбалки, а как ты помнишь, моя резиновая лодка приказала долго жить.

Друзья часто вместе рыбачили и в последний раз чудом добрались до берега из-за прокола лодки.

– Опубликуй в своей газете объявление о покупке резиновой рыбацкой лодки и укажи мои контактные данные. Может, кто продает? На новую денег пока нет, – попросил Матвей.

– Хорошо. В следующем тираже опубликую. А стоимость указывать? – спросил Сергей.

– Я думаю, не стоит. Все равно придется торговаться, – ответил Матвей.

– Добро. Когда свидимся? Когда ты меня угостишь своим фирменным шашлыком? – спросил Сергей.

– А вот лодку куплю – и обмоем покупку, – ответил Матвей.

– Все понял. Побежал верстать твоё объявление, – иронично сказал Сергей. – И заодно предупреджу Анечку, что ты нас приглашаешь.

Анна, супруга Сергея, работала с ним же главным бухгалтером и часто помогала Матвею в годовых отчетах.

– Теперь я уверен, что лодка у меня будет уже зимой! – сказал и рассмеялся Матвей. – Спасибо, друг!

Матвей размечтался. Он представил себя, сидящего в новой лодке напротив любимого островка с удочкой в руках. Уже показался край восходящего солнца, и сквозь дымку уходящего тумана он увидел неуверенную поклевку умного золотого карася.

Его фантазию потревожил телефонный звонок. Расстроившись, он взял трубку. На другом конце провода был полковник Истоминов.

– Приветствую Вас! – начал полковник. – Беспokoю тебя по твоему запросу.

– Здравия желаю, Андрей Владимирович. Я все понял. Слушаю Вас, – ответил Матвей.

Матвей сообразил, что друг разговаривает официально, так как находится на службе.

– Послезавтра к десяти часам Вы приглашены на ознакомление с делом, о котором запрашивали. По прибытию в центральный архив ФСБ России свяжитесь по внутреннему телефону по номеру 18-65. Представьтесь и доложите о прибытии. Вас пригласят к майору Мохрачеву Виталию Юрьевичу. Как поняли меня? – спросил полковник.

– Все понял. Спасибо! – ответил Матвей.

– Но тогда всего Вам хорошего. До свидания, – закончил Истоминов.

Разговор был окончен, и Матвей выдохнул. Пройдя по гостиной дома, он подумал о том, что предстоит увидеть и узнать в стенах знаменитого учреждения. Затем включил компьютер сына, чтобы заказать билеты на самолет. Уже через полчаса Матвей забронировал билеты туда и обратно и снова открыл фотоальбом Головиных.

Глава четвертая

Еще до обеда Матвей принимал звонки по своей непосредственной работе в агентстве недвижимости. Однако рабочего настроения не было, и он пожалел, что работает без помощников. Зная, что нужно кормить семью и зарабатывать на хлеб, Матвей все-таки договорился о нескольких встречах на следующей неделе. После обеда наконец-то отзвонился Павел, и друзья договорились о встрече дома у Матвея вечером. Все оставшееся до этого время Матвей посвятил телефонному общению с женой и сыном. Наташа очень тревожилась, что Матвей питается всухомятку, и попросила его думать о здоровье.

Вечером приехал Павел. Угостив его кофе с бутербродами, Матвей поведал ему о своих мыслях по истории семьи Головиных. Он также сообщил, что улетает в Москву для посещения архива ФСБ РФ. Павел отнесся к этой затее холодно, но перечить другу не стал. Допивая вторую чашку кофе, друзья услышали звуки выстрелов во дворе. Пока они одевались и выбегали на улицу, все стихло. У Павла был служебный пистолет, и он на всякий случай его зарядил. Друзья аккуратно пошли в ту сторону, откуда раздались выстрелы. Открыв калитку и оглядевшись, они никого не заметили. Их удивило, что у машины, из которой велось наружное наблюдение, была открыта правая передняя дверь. Оглядываясь по сторонам, друзья медленно подошли к автомобилю. На передних сиденьях лежали застреленные два оперативника. Их бездыханные тела обволокло дымком. Шок охватил друзей. Первым пришел в себя Павел.

– Я не слышал звуков отъезжающей машины. Нужно срочно зайти в дом, а то мы как на ладони.

– А убийца никуда и не уезжал. Он здесь и наблюдает за нами, – сказал Матвей, быстро придя в себя.

А потом громким и четким голосом прокричал:

– Он пришел не за нами, а за тем, что мы нашли. Но пусть не старается. Этой вещи у нас здесь нет. А за наших парней он ответит своей неизвестной могилой, о которой будем знать только мы.

Запах пороха еще витал на месте убийства. Друзья, не шелохнувшись, простояли около десяти минут. Где-то поодаль за поворотом улицы они слышали, как завелась какая-то машина и двинулась не к шоссе, а к лесу. Павел позвонил в полицию. Вечер и ночь были долгими и нервными. На место расстрела полицейских съехалось все начальство района и области. Все скорбели о гибели сослуживцев. План-перехват не принес результатов. Хотя автомобиль, как оказалось, марки «Нива», был найден около садового товарищества в трех километрах от леса. На учете в ГИБДД машина не состояла. Номера двигателя и кузова сбиты. Государственные номера подложные. В машине обнаружен нарезной карабин «Сайга-9» с шестью патронами в магазине. Это оружие было из той же партии похищенного летом прошлого года. Смерть сотрудников полиции наступила уже после первых выстрелов. Каждый из них получил их по два.

Утром, после завершения всех следственно-оперативных действий полиции и прокуратуры, Матвей и Павел остались в доме одни. Количество выпитого кофе подходило к трем литрам. Пульс каждого зашкаливал. Но друзья сидели за кухонным столом с чашками дымящегося напитка. Первым начал Павел:

– Времени у преступника и у нас осталось крайне мало. Уголовные дела заберет прокуратура области или Следственный комитет. Преступник это знает. И тогда он потеряет возможность получить то, что ему нужно. Мы с тобой не знаем, что он ищет. Он же уверен, что эта вещь у нас. Значит, преступник предпримет все меры, чтобы получить это что-то.

– Витиевато, но практически верно, – сказал Матвей. – Преступник или преступники расстреляли полицейских, чтобы мы задрожали. Скорее всего, расстрелянные оперативники

не видели опасности от того, кто подошел к их машине. Либо подошел кто-нибудь престарелый, либо человек или люди, которых они знали. Ребята остались сидеть на месте и не сделали попыток вытащить свое служебное оружие. И наша версия об информаторе или наводчике из полицейской среды вполне может быть правильной. Теперь преступники с нами либо выйдут на связь, либо пойдут на самые радикальные действия. У нас нет козыря. Нет того, чего они ищут. Значит, у нас максимум два-три дня. Мне надо подумать. Давай немного поспим, так как наши мозги уже закипают.

Павел согласился, и друзья разошлись по комнатам.

Долго подремать не получилось. Матвей проснулся от звонка на телефон Павла. Тот ответил:

– Буду у Вас через час.

Матвей вошел в комнату Павла. Не успев задать ему вопрос, Павел начал разговор первым.

– Звонила прокурор города Симакова Алина Рудольфовна. Просила меня приехать к ней.

– Ну что? Началось, – сказал Матвей.

– Я распорядился о твоей охране. Ребята после моего отъезда будут находиться у тебя дома. Вечером сопровождают тебя в аэропорт и завтра встретят, – сказал Павел.

– Ты уже однажды позаботился обо мне. И чем это закончилось? Я же просил снять наружное наблюдение с меня! – резко ответил Матвей. – Но не вини себя. Сейчас нужно думать только о деле, а не о наших шкурах. Езжай с Богом и передай привет от меня Алине Рудольфовне. Как-никак, пять лет просидели с ней в одном кабинете.

Павел грустно качнул головой, оделся и уехал.

Матвей весь день готовился к отъезду. От предвкушения получения информации об исторической тайне у него повышалось давление. Сказывалась проведенная бессонная тревожная ночь. Но он бодрился. Его успокаивало, что двести километров до аэропорта он проведет во сне и наберется сил.

В Москве Матвей прогулялся по набережной и вошел в здание Архива ФСБ России. Он позвонил по указанному телефонному номеру, и его пригласили на аудиенцию к начальнику второго отдела майору Мохрачеву. После некоторых формальностей Матвею предложили просторную комнату без окон. Перед чтением документов он отдал свой телефон одному из сотрудников и получил рекомендации к ознакомлению. В них помимо необходимых запретов было предложено пять часов для работы с архивными документами. Матвей читал уголовное дело, возбужденное в отношении Головина Федора Михайловича, обвиняемого в измене Родине. Главной уликой преступления оказались документы, которые Федор Михайлович передал французскому военному атташе Головину Максиму Михайловичу в феврале 1947 года, когда были подписаны Парижские мирные договоры. Да. Он передал родному брату документы. Однако какие материалы были получены братом, не указано. В наше время любой первогодок адвокат разбил бы на части это обвинение. Но в то время судьбу решали субъекты, а не факты. Матвей открыл большой конверт. В нем находились фотографии парада Победы, вручения орденов и медалей и различных мероприятий с участием Федора Михайловича. Матвей взял одну из них и стал пристально разглядывать. Мурашки пробежали огромной ватагой по всему телу. На парадном мундире генерала красовался орден «Победа»! Сейчас по пальцам двух рук можно пересчитать кавалеров этого ордена. Матвей перевернул фотографию. Она была датирована сентябрем 1945 года. Но нигде Матвей не видел фамилию Головина в списках награжденных этим высшим орденом. Матвей просмотрел протокол изъятия после ареста Головина. Так и есть. В нем он не нашел орден Святого Георгия четвертой степени, орден Красного Знамени, орден Ленина и орден «Победа». Последний вообще нигде и никогда указан не был. Матвей прекрасно запомнил фотографии из фотоальбома, с которым не расста-

вался долгое время. Значит, и заслуги перед отечеством генерала Головина тоже были стерты из истории. Он продолжал перелистывать материалы уголовного дела, с жадностью читая каждое слово. Ближе к концу он увидел протокол обыска квартиры генерала. В нем подробно было указано, что обнаружено. С мундира, висящего в шкафу, были переписаны все награды. Но тех четырех там не было. Мистика. А где же они? Получается, их и не изымали. Продолжив далее изучать дело, Матвей наткнулся на рапорт старшего лейтенанта Стрельцова С.В., в котором он докладывал, что сотрудник сержант Киселев П.И. в качестве благодарности от дочери Головина Ф.М., Анны, принял коробочку, где находилось кольцо из желтого металла с небольшим камнем светло-розового цвета. Киселев П.И. был сразу арестован. Далее шел протокол допроса Киселева П.И., где он показал, что и не думал о том, какая вещь находится в коробочке. Он предполагал, что там находится конфета, о которой заявила девочка и протянула коробочку в дань благодарности за проявленную к ней доброту. Матвей уже было перевернул страницу, как его осенила неожиданная мысль. Он вернулся к данным Киселева П.И. и прочитал, что тот родился 12 мая 1926 года в Самаре. Матвей что-то почувствовал, но для себя решил не углубляться в раздумья, а продолжить ознакомление. После шел допрос жены, Головиной М.С., которая заявила, что данные ордена были похищены из дома в начале февраля 1947 года. Своему мужу она не успела это рассказать, так как он находился во Франции, а по приезде был сразу арестован. Милицию она не вызывала из-за того, что не хотела нарушать заведенные правила семьи, где все решает супруг. Даже Матвей понял, что жена говорила неправду. Однако история об этом в данном уголовном деле заканчивалась. Матвей понял, что, скорее всего, он не узнает продолжения. Уже подходило время, отведенное ему на изучения дела генерала. Матвей делал последние выписки. В дверь комнаты вошел офицер и сопроводил Матвея в кабинет Мохрачева.

– Нашли интересующую Вас информацию? – с порога спросил майор.

– Несомненно. И спасибо Вам за эту предоставленную возможность, – ответил Матвей.

– Но спасибо не мне, а государству, которое раскрывает свои секреты истории. В настоящее время это Ваше право изучать документы прошлого. А вот за столь быстрое предоставление этих документов будьте признательны Андрею Владимировичу, моему однокашнику. У Вас есть вопросы ко мне?

– Да. Подскажите мне практику подачи заявления или апелляции по реабилитации генерала Головина, – попросил Матвей.

– Я думаю, это лишнее, так как данное прошение уже было подано посольством Французской Республики. И мое мнение, что оно даже уже положительно рассмотрено. Глядя на Вашу вопросительную мимику, я через минуту сообщу, когда и от кого лично было подано прошение.

Прошла ровно одна минута, и майор, отведя глаза от какого-то служебного журнала, сказал:

– Простение подано 9 февраля 2019 года Дипломатическим представительством посольства Франции, находящимся в Санкт-Петербурге, и заверено его канцелярией в лице Головиной-Глинской Екатериной Александровной. К чему были приложены мемуары Головина Ф.М., переданные им своему брату Головину М.М. в 1947 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.